

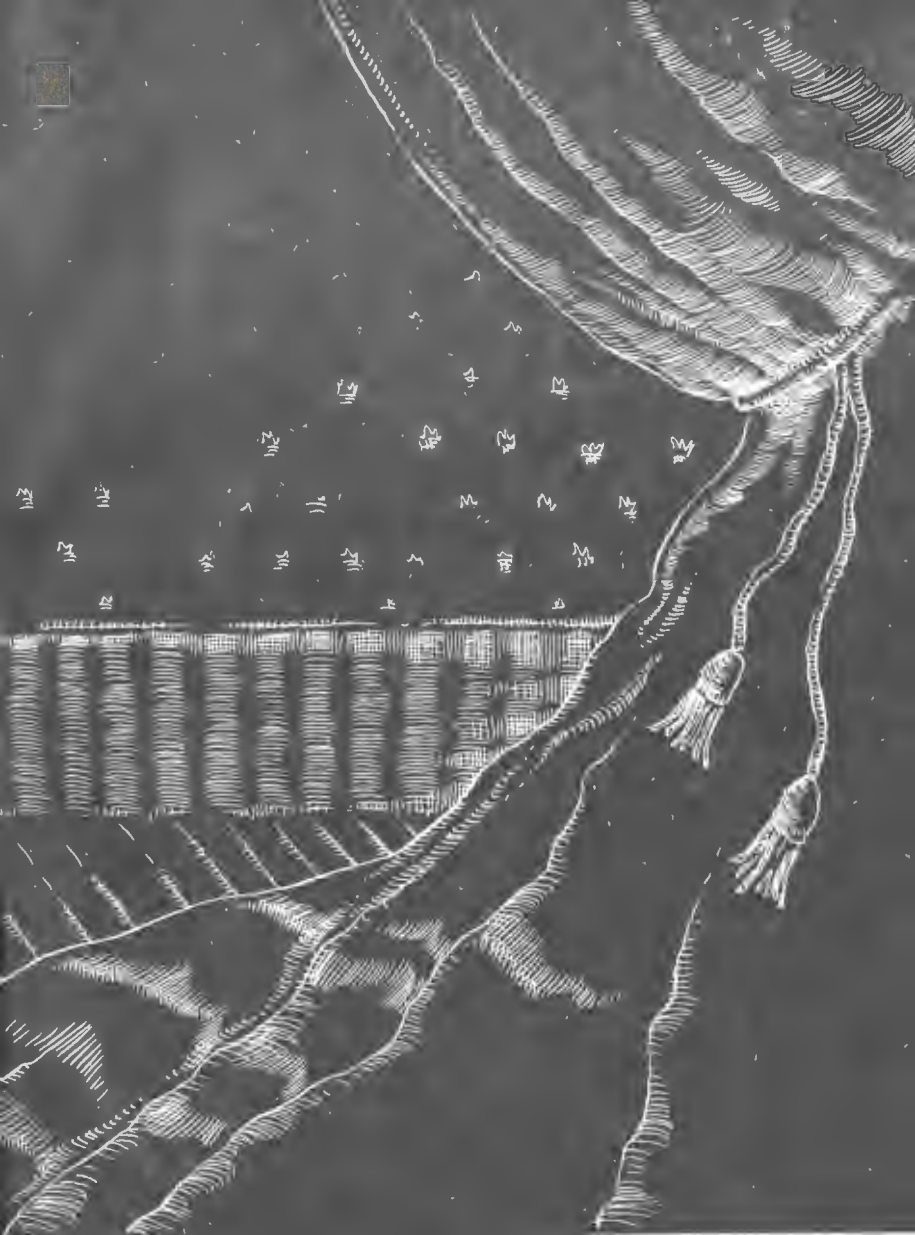
Антон ЧЕХОВ

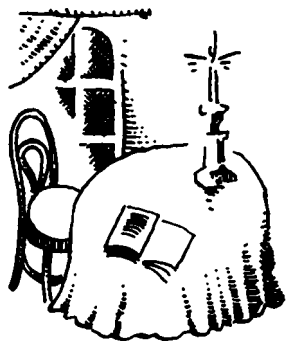
ЧАЙКА

**«Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну.
Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...»**

Copyright, 1901,
by A. H. Hoxon.

1901

А. П. Чехов

ЧАЙКА

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

2001

ББК 84. (2Рос-Рус) 6
Ч 56

Художник А. Татарко

Чехов А.
Ч 56 Чайка. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС»,
2001. — 191 с.

ISBN 5-7654-1266-1
ISBN 5-224-02182-0

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-1266-1
ISBN 5-224-02182-0

© «Издательский Дом „Нева“», 2001

А. П. Чехов ЧАЙКА

Ответственные за выпуск: *Н. Ю. Памфилова, Я. Ю. Матвеева*
Корректоры: *Е. В. Амелогова, О. П. Васильева*
Верстка: *Н. А. Дючника*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Лицензия ИД № 02040 от 13.06.2000
Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96

Подписано в печать 11.01.2001. Гарнитура «Таймс». Формат 70 × 108¹/₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,98. Усл. печ. л. 8,4. Изд. № 00-1888.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 3826.

«Издательский Дом „Нева“
199155, Санкт-Петербург, ул. Одревского, д. 29

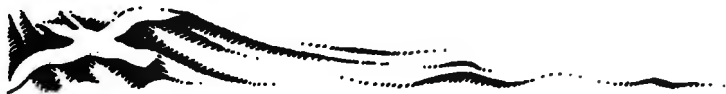
При участии издательства «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

ЧАЙКА

*Комедия
в четырех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, *по мужу Треплева, актриса.*

Константин Гаврилович Треплев, *ее сын, молодой человек.*

Петр Николаевич Сорин, *ее брат.*

Нина Михайловна Заречная, *молодая девушка, дочь богатого помещика.*

Илья Афанасьевич Шамраев, *поручик в отставке, управляющий у Сорина.*

Полина Андреевна, *его жена.*

Маша, *его дочь.*

Борис Алексеевич Тригорин, *балетрист.*

Евгений Сергеевич Дорн, *врач.*

Семен Семенович Медведенко, *учитель.*

Яков, *работник.*

Повар.

Горничная.

Действие происходит в усадьбе Сорина.
Между третьим и четвертым действием
проходит два года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

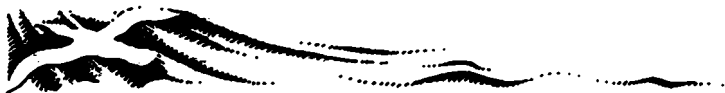
Часть парка в имении Сори́на. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник. Несколько стульев, столик. Только что зашло солнце. На эстраде за опущенным занавесом Яков и другие работники; слышится кашель и стук. Маша и Медведенко идут слева, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко. Отчего? *(В раздумье.)* Не понимаю... Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще

вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура.

Садятся.

М а ш а. Дело не в деньгах. И бедняк может быть счастлив.

М е д в е д е н к о. Это в теории, а на практике выходит так: я да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего двадцать три рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

М а ш а (*оглядываясь на эстраду*). Скоро начнется спектакль.

М е д в е д е н к о. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны. Это понятно. Я без средств, семья у меня большая... Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?

Маша. Пустяки. (*Нюхает табак.*) Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. (*Протягивает ему табакерку.*) Одолжайтесь.

Медведенко. Не хочется.

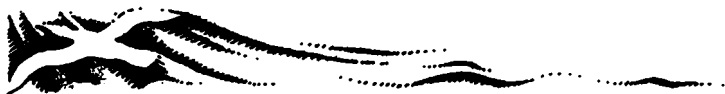
Пауза.

Маша. Душно, должно быть ночью будет гроза. Вы всё философствуете или говорите о деньгах. По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого...

Входят справа Сорин и Треплев.

Сорин (*опираясь на трость*). Мне, брат, в деревне как-то не того, и, понятная вещь, никогда я тут не привыкну. Вчера лег в десять и сегодня утром проснулся в девять с таким чувством, как будто от долгого спанья у меня мозг прилип к черепу, и все такое. (*Смеется.*) А после обеда нечаянно опять уснул, и теперь я весь разбит, испытываю кошмар, в конце концов...

Треплев. Правда, тебе нужно жить в городе. (*Увидев Машу и Медведенка.*) Господа, когда нач-

нется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

Сорин (*Маше*). Марья Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воет. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите с моим отцом сами, а я не стану. Увольте, пожалуйста. (*Медведенку*.) Пойдемте!

Медведенко (*Треплеву*). Так вы перед началом пришлите сказать.

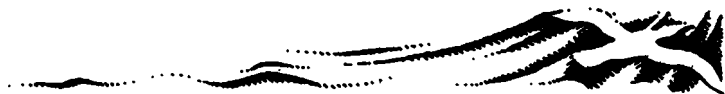
Оба уходят.

Сорин. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история, никогда в деревне я не жил как хотел. Бывало, возьмешь отпуск на двадцать восемь дней и приедешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тут тебя так доймают всяким вздором, что уж с первого дня хочется вон. (*Смеется*.) Всегда я уезжал отсюда с удовольствием... Ну, а теперь я в отставке, деваться некуда в конце концов. Хочешь не хочешь, живи...

Яков (*Треплеву*). Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.

Треплев. Хорошо, только через десять минут будьте на местах. (*Смотрит на часы*.) Скоро начнется.

Яков. Слушаю. (*Уходит.*)

Треплев (*окидывая взглядом эстраду*). Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна.

Сорин. Великолепно.

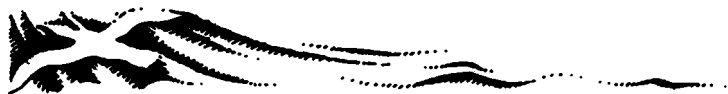
Треплев. Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы. (*Поправляет дяде галстук.*) Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли...

Сорин (*расчесывая бороду*). Трагедия моей жизни. У меня и в молодости была такая наружность, будто я запоем пил и все. Меня никогда не любили женщины. (*Садясь.*) Отчего сестра не в духе?

Треплев. Отчего? Скучает. (*Садясь рядом.*) Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что не она играет, а Заречная. Она не знает моей пьесы, но уже ненавидит ее.

Сорин (*смеется*). Выдумашь, право...

Треплев. Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она. (*Посмотрев на часы.*) Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе. Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенной игрой в «*La dame aux camélias*» или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее враги, все мы виноваты. Затем она суеверна, боится трех свечей, тринадцатого числа. Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное. А попроси у нее займы, она станет плакать.

Сорин. Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожает.

Треплев (*обрывая у цветка лепестки*). Любит — не любит, любит — не любит, любит — не любит. (*Смеется.*) Видишь, моя мать меня не любит. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода.

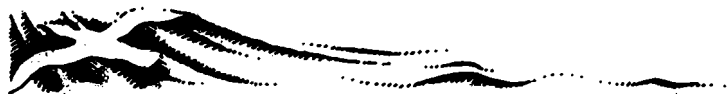

Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью.

Сорин. Без театра нельзя.

Треплев. Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно. (*Смотрит на часы.*) Я люблю мать, сильно люблю; но она ведет бестолковую жизнь, вечно носится с этим беллетристом, имя ее постоянно треплют в газетах, — и это меня утомляет. Иногда же просто во мне говорит эгоизм обыкновенного смертного; быва-

ет жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения...

Сорин. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек этот беллетрист? Не поймешь его. Все молчит.

Треплев. Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхолический. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт по горло... Что касается его писаний, то... как тебе сказать? Мило, талантливо... но...

после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

Сорин. А я, брат, люблю литераторов. Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленьким литератором приятно быть в конце концов.

Треплев (*прислушивается*). Я слышу шаги... (*Обнимает дядю.*) Я без нее жить не могу... Даже звук ее шагов прекрасен... Я счастлив безумно. (*Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.*) Волшебница, мечта моя...

Нина (*взволнованно*). Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

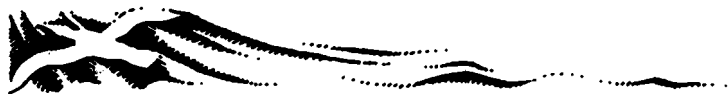
Треплев (*целует ее руки*). Нет, нет, нет...

Нина. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня... Но он сейчас уехал с мачехой. Красное небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. (*Смеется.*) Но я рада. (*Крепко жмет руку Сорина.*)

Сорин (*смеется*). Глазки, кажется, заплаканы.. Ге-ге! Нехорошо!

Нина. Это так... Видите, как мне тяжело дышать. Через полчаса я уеду, надо спешить. Нельзя,

нельзя, Бога ради не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Треплев. В самом деле, уже пора начинать. Надо идти звать всех.

Сорин. Я схожу и все. Сию минуту. *(Идет вправо и поет.)* «Во Францию два гренадера...» *(Оглядывается.)* Раз так же вот я запел, а один товарищ прокурора и говорит мне: «А у вас, ваше превосходительство, голос сильный...» Потом подумал и прибавил: «Но... противный». *(Смеется и уходит.)*

Нина. Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами. *(Оглядывается.)*

Треплев. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то там...

Треплев. Никого.

Поцелуй.

Нина. Это какое дерево?

Треплев. Вяз.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплев. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Нина. Нельзя.

Треплев. А если я поеду к вам, Нина? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Нина. Нельзя, вас заметит сторож. Тревор еще не привык к вам и будет лаять.

Треплев. Я люблю вас.

Нина. Тс-с...

Треплев (*услышав шаги*). Кто там? Вы, Яков? Яков (*за эстрадой*). Точно так.

Треплев. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Яков. Точно так.

Треплев. Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой. (*Нине.*) Идите, там все приготовлено. Вы волнуетесь?

Нина. Да, очень. Ваша мама — ничего, ее я не боюсь, но у вас Тригорин... Играть при нем мне страшно и стыдно... Известный писатель... Он молод?

Треплев. Да.

Нина. Какие у него чудесные рассказы!

Треплев (*холодно*). Не знаю, не читал.

Нина. В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Треплев. Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах.

Нина. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...

Оба уходят за эстраду.

Входят Полина Андреевна и Дорн.

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.

Дорн. Мне жарко.

Полина Андреевна. Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы — доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух, но вам хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидели вчера весь вечер на террасе...

Дорн (*напевает*). «Не говори, что молодость огубила».

Полина Андреевна. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится...

Дорн. Мне пятьдесят пять лет.

Полина Андреевна. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.

1908
СР

не

на

та

Р-

О

NR

и

ТО

Р

В АДРЕС

КАВАЛЕР

НОМ НОТОДО

Д

УМЕНА) ЛОУ СМ

ЛН О В

ЗВАЗ

М

П

Я

ТА

ТАКО

За эстрадой игра

ОС

Дорн. Так что же вам угодно?

Полина Андреевна. Перед актрисой вы все готовы падать ниц. Все!

Дорн (*напевает*). «Я вновь пред тобою...» Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей. Это — идеализм.

Полина Андреевна. Женщины всегда влюблялись в вас и вешались на шею. Это тоже идеализм?

Дорн (*пожав плечами*). Что ж? В отношениях женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача. Лет десять-пятнадцать назад, вы помните, во всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.

Полина Андреевна (*хватает его за руку*)
Дорогой мой!

Дорн. Тише Идут.

Входят Аркадина под руку с Сориным, Тригорин, Шамраев, Медведенко и Маша.

Шамраев. В тысяча восемьсот семьдесят третьем году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла! Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семе-

ныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?

Аркадина. Вы всё спрашиваете про каких-то допотопных. Откуда я знаю! *(Садится.)*

Шамраев *(вздыхает)*. Пашка Надин! Таких уж нет теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни.

Дорн. Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше.

Шамраев. Не могу с вами согласиться. Впрочем, это дело вкуса. *De gustibus aut bene, aut nihil.*

Треплев выходит из-за эстрады.

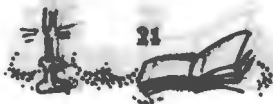
Аркадина *(сыну)*. Мой милый сын, когда же начало?

Треплев. Через минуту. Прошу терпения.

Аркадина *(читает из Гамлета)*. «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!»

Треплев *(из Гамлета)*. «И для чего ж ты поддалась пороку, любви искала в бездне преступления?»

За эстрадой играют в рожок.

Господа, начало! Прошу внимания!

Пауза.

Я начинаю. (*Стучит палочкой и говорит громко.*)
О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь
в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и
пусть нам приснится то, что будет через двести
тысяч лет!

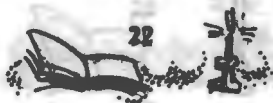
Сорин. Через двести тысяч лет ничего не
будет.

Треплев. Так вот пусть изобразят нам это ни-
чего.

Аркадина. Пусть. Мы спим.

Поднимается занавес; открывается вид на озеро: луна над
горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит
Нина Заречная, вся в белом.

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые
олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие
в воде, морские звезды и те, которых нельзя было
видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни,
все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже
тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного
живого существа, и эта бедная луна напрасно за-
жигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются

с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно.

Пауза.

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.

Показываются болотные огни.

Аркадина (*тихо*). Это что-то декадентское.

Треплев (*умоляюще и с упреком*). Мама!

Нина. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не

возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух.

Пауза.

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но это будет, лишь когда мало-помалу, через длинный, длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас...

Пауза; на фоне озера показываются две красных точки.

Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?

Треплев. Да.

Аркадина (смеется). Да, это эффект.

Треплев. Мама!

Нина. Он скучает без человека...

Полина Андреевна (*Дорну*). Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь.

Аркадина. Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи.

Треплев (*вспылив, громко*) Пьеса кончена! Довольно! Занавес!

Аркадина. Что же ты сердиться?

Треплев. Довольно! Занавес! Подавай занавес! (*Топнул ногой.*) Занавес!

Занавес опускается.

Виноват! Я выпустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные. Я нарушил моноподий! Мне... я... (*Хочет еще что-то сказать, но машет рукой и уходит влево.*)

Аркадина. Что с ним?

Сорин. Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием.

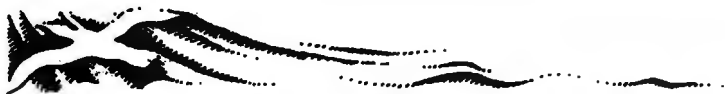
Аркадина. Что же я ему сказала?

Сорин. Ты его обидела.

Аркадина. Он сам предупреждал, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как к шутке.

Сорин. Все-таки...

Аркадина. Теперь оказывается, что он написал великое произведение! Скажите пожалуйста! Стало быть, устроил он этот спектакль и надушил серой не для шутки, а для демонстрации... Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть. Наконец это становится скучно. Эти постоянные вылазки против меня и шпильки, воля ваша, надоедят хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчик.

Сорин. Он хотел доставить тебе удовольствие.

Аркадина. Да? Однако же вот он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред. Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве. А по моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер.

Тригорин. Каждый пишет так, как хочет и как может.

Аркадина. Пусть он пишет, как хочет и как может, только пусть оставит меня в покое.

Дорн. Юпитер, ты сердисься...

Аркадина. Я не Юпитер, а женщина. (*Закуривает.*) Я не сержусь, мне только досадно, что

молодой человек так скучно проводит время. Я не хотела его обидеть.

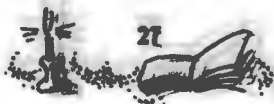
Медведенко. Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов. (*Живо, Тригорину.*) А вот, знаете ли, описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будем говорить ни о пьесах, ни об атомах. Вечер такой славный! Слышите, господа, поют? (*Прислушивается.*) Как хорошо!

Полина Андреевна. Это на том берегу.

Пауза.

Аркадина (*Тригорину*). Сядьте возле меня. Лет десять-пятнадцать назад здесь, на озере, музыка и пение слышались непрерывно почти каждую ночь. Тут на берегу шесть помещичьих усадеб. Помню, смех, шум, стрельба, и всё романы, романы... Jeune premier'ом, и кумиром всех этих шести усадеб был тогда вот, рекомендую (*кивает на Дорца*), доктор Евгений Сергеевич. И теперь он очарователен, но тогда был неотразим. Однако меня начинает мучить совесть. За что я обидела моего

бедного мальчика? Я непокойна. (Громко.) Костя! Сын! Костя!

Маша. Я пойду поищу его.

Аркадина. Пожалуйста, милая.

Маша (идет влево). Ау! Константин Гаврилович!.. Ау! (Уходит.)

Нина (выходя из-за эстрады). Очевидно, продолжения не будет, мне можно выйти. Здравствуйте! (Целуется с Аркадиной и Полиной Андреевной.)

Сорин. Bravo! Bravo!

Аркадина. Bravo, bravo! Мы любовались. С такую наружностью, с таким чудным голосом нельзя, грешно сидеть в деревне. У вас должен быть талант. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Нина. О, это моя мечта! (Вздыхнув.) Но она никогда не осуществится.

Аркадина. Кто знает? Вот позвольте вам представить: Тригорин, Борис Алексеевич

Нина. Ах, я так рада... (Сконфузившись.) Я всегда вас читаю...

Аркадина (усаживая ее возле). Не конфузьтесь, милая. Он знаменитость, но у него простая душа. Видите, он сам сконфузился.

Дорн. Полагаю, теперь можно поднять занавес, а то жутко.

Шамраев (*громко*). Яков, подними-ка, братец, занавес!

Занавес поднимается.

Нина (*Тригорину*). Не правда ли, странная пьеса?

Тригорин. Я ничего не понял. Впрочем, смотрел я с удовольствием. Вы так искренно играли. И декорация была прекрасная.

Пауза.

Должно быть, в этом озере много рыбы.

Нина. Да.

Тригорин. Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок.

Нина. Но, я думаю, кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют.

Аркадина (*смеясь*). Не говорите так. Когда ему говорят хорошие слова, то он проваливается.

Шамраев. Помню, в Москве в оперном театре однажды знаменитый Сильва взял нижнее до. А в

это время, как нарочно, сидел на галерее бас из наших синодальных певчих, и вдруг, можете себе представить наше крайнее изумление, мы слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целою октавой ниже... Вот этак (*низким баском*): браво, Сильва... Театр так и замер.

Пауза.

Дорн. Тихий ангел пролетел.

Нина. А мне пора. Прощайте.

Аркадина. Куда? Куда так рано? Мы вас не пустим.

Нина. Меня ждет папа.

Аркадина. Какой он, право...

Целуются.

Ну, что делать. Жаль, жаль вас отпускать.

Нина. Если бы вы знали, как мне тяжело уезжать!

Аркадина. Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка.

Нина (*испуганно*). О нет, нет!

Сорин (*ей, утешаяще*). Оставайтесь!

Нина. Не могу, Петр Николаевич.

Сорин. Оставайтесь на один час и все. Ну, что, право...

Нина (*подумав, сквозь слезы*). Нельзя! (*Пожимает руку и быстро уходит.*)

Аркадина. Несчастливая девушка, в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, так как отец ее уже завещал все своей второй жене. Это возмутительно.

Дорн. Да, ее папенька порядочная таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Сорин (*потирая озябшие руки*). Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болят.

Аркадина. Они у тебя, как деревянные, едва ходят. Ну, пойдем, старик злосчастный. (*Берет его под руку.*)

Шамраев (*подавая руку жене*). Мадам?

Сорин. Я слышу, опять воеет собака. (*Шамраеву.*) Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.

Шамраев. Нельзя, Петр Николаевич, боюсь, как бы воры в амбар не забрались. Там у меня про-со. (*Идущему рядом Медведенку.*) Да, на целую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А ведь не певец, простой синодальный певчий.

Медведенко. А сколько жалованья получает синодальный певчий?

Все уходят, кроме Дорна.

Дорн (*один*). Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошел с ума, но пьеса мне понравилась. В ней что-то есть. Когда эта девочка говорила об одиночестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки. Свежо, наивно... Вот, кажется, он идет. Мне хочется наговорить ему побольше приятного.

Треплев (*входит*). Уже нет никого.

Дорн. Я здесь.

Треплев. Меня по всему парку ищет Машенька. Несносное создание.

Дорн. Константин Гаврилович, мне ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать.

Треплев крепко жмет ему руку и обнимает порывисто.

Фуй, какой нервный. Слезы на глазах... Я что кочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных

идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Как вы бледны!

Треплев. Так вы говорите — продолжать?

Дорн. Да... Но изображайте только важное и вечное. Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту.

Треплев. Виноват, где Заречная?

Дорн. И вот еще что. В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас.

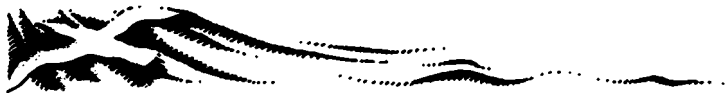
Треплев (*нетерпеливо*). Где Заречная?

Дорн. Она уехала домой.

Треплев (*в отчаянии*). Что же мне делать? Я хочу ее видеть... Мне необходимо ее видеть.. Я поеду.

Маша входит.

Дорн (*Треплеву*). Успокойтесь, мой друг.

Треплев. Но все-таки я поеду. Я должен поехать.

Маша. Идите, Константин Гаврилович, в дом. Вас ждет ваша мама. Она непокойна.

Треплев. Скажите ей, что я уехал. И прошу вас всех, оставьте меня в покое! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорн. Но, но, но, милый... нельзя так... Нехорошо.

Треплев (*сквозь слезы*). Прощайте, доктор. Благодарю... (*Уходит.*)

Дорн (*вздыхнув*). Молодость, молодость!

Маша. Когда нечего больше сказать, то говорят: молодость, молодость... (*Нюхает табак.*)

Дорн (*берет у нее табакерку и швыряет в кусты*). Это гадко!

Пауза.

В доме, кажется, играют. Надо идти.

Маша. Погодите.

Дорн. Что?

Маша. Я еще раз хочу вам сказать. Мне хочется поговорить... (*Волнуясь.*) Я не люблю своего отца... но к вам лежит мое сердце. Почему-то я всею душой

чувствую, что вы мне близки... Помогите же мне, Помогите, а то я сделаю глупость, я насмеюсь над своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...

Дорн. Что? В чем помочь?

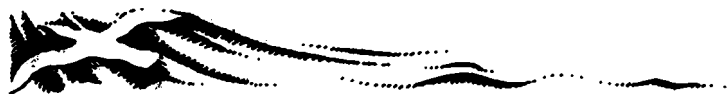
Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! *(Кладет ему голову на грудь, тихо.)* Я люблю Константина.

Дорн. Как все нервные! Как все нервные! И сколько любви! О, колдовское озеро! *(Нежно.)* Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

Занавес.

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! *(Кладет ему голову на грудь, тихо.)* Я люблю Константина. Дорн. Как все нервные! Как все нервные! И сколько любви! О, колдовское озеро! *(Нежно.)* Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что? *Занавес.* Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! *(Кладет ему голову на грудь, тихо.)* Я люблю Константина. Дорн. Как все нервные! Как все нервные! И сколько любви! О, колдовское озеро! *(Нежно.)* Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! *(Кладет ему голову на грудь, тихо.)* Я люблю Константина. Дорн. Как все нервные! Как все нервные! И сколько любви! О, колдовское озеро! *(Нежно.)* Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Площадка для крокета. В глубине направо дом с большою террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко. Сбоку площадки, в тени старой липы, сидят на скамье Аркадина, Дорн и Маша. У Дорна на коленях раскрытая книга.

Аркадина (*Маше*). Вот встанемте.

Обе встают.

Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое. Евгений Сергеич, кто из нас моложавее?

Дорн. Вы, конечно.

Аркадина. Вот-с... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите всё на одном месте, не живете... И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не

думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать...

Маша. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный плейф... И часто не бывает никакой охоты жить. (*Садится.*) Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это.

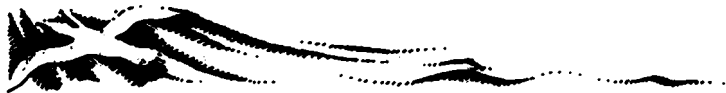
Дорн (*напевает тихо*). «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Аркадина. Затем я корректна, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана *comme il faut*. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые... (*Подбоченясь, прохаживается по площадке.*) Вот вам, — как цыпочка. Хоть пятнадцатилетнюю девочку играть.

Дорн. Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю. (*Берет книгу.*) Мы остановились на лабазнике и крысах...

Аркадина. И крысах. Читайте. (*Садится.*) Впрочем, дайте мне, я буду читать. Моя очередь.

(Берет книгу и ищет в ней глазами.) И крысах... Вот оно... *(Читает.)* «И, разумеется, для светских людей баловать романистов и привлекать их к себе так же опасно, как лабазнику воспитывать крыс в своих амбарах. А между тем их любят. Итак, когда женщина избрала писателя, которого она желает заполнить, она осаждает его посредством комплиментов, любезностей и угождений...» Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ. У нас женщина обыкновенно, прежде чем заполнить писателя, сама уже влюблена по уши, сделайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина...

Идет Сорин, опираясь на трость, и рядом с ним Нина; Медведенко катит за ними пустое кресло.

Сорин *(тоном, каким ласкают детей)*. Да? У нас радость? Мы сегодня веселы в конце концов? *(Сестре.)* У нас радость! Отец и мачеха уехали в Тверь, и мы теперь свободны на целых три дня.

Нина *(садится рядом с Аркадиной и обнимает ее)*. Я счастлива! Я теперь принадлежу вам.

Сорин *(садится в свое кресло)*. Она сегодня красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница. (*Целует Нину.*) Но не нужно очень хвалить, а то сглазим. Где Борис Алексеевич?

Нина. Он в купальне рыбу удит.

Аркадина. Как ему не надоест! (*Хочет продолжать читать.*)

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассан «На воде», милочка. (*Читает несколько строк про себя.*) Ну, дальше неинтересно и неверно. (*Закрывает книгу.*) Непокойна у меня душа. Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? Он целые дни проводит на озере, и я его почти совсем не вижу.

Маша. У него нехорошо на душе. (*Нине, робко.*) Прошу вас, прочтите из его пьесы!

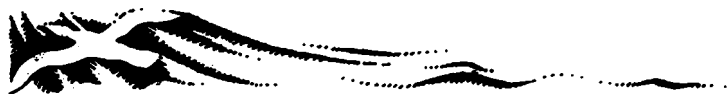
Нина (*пожав плечами*). Вы хотите? Это так неинтересно!

Маша (*сдерживая восторг*). Когда он сам читает что-нибудь, то глаза у него горят и лицо становится бледным. У него прекрасный, печальный голос, а манеры как у поэта.

Слышно, как храпит Сорин.

Дорн. Спокойной ночи!

Аркадина. Петруша!

Сорин. А?

Аркадина. Ты спишь?

Сорин. Нисколько.

Пауза.

Аркадина. Ты не лечишься, а это нехорошо, брат.

Сорин. Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет.

Дорн. Лечиться в шестьдесят лет!

Сорин. И в шестьдесят лет жить хочется.

Дорн (*досадливо*). Э! Ну, принимайте валериановые капли.

Аркадина. Мне кажется, ему хорошо бы поехать куда-нибудь на воды.

Дорн. Что ж? Можно поехать. Можно и не поехать.

Аркадина. Вот и пойми.

Дорн. И понимать нечего. Все ясно.

Пауза.

Медведенко. Петру Николаевичу следовало бы бросить курить.

Сорин. Пустяки.

Дорн. Нет, не пустяки. Вино и табак обезличивают. После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу — он.

Сорин *(смеется)*. Вам хорошо рассуждать. Вы пожили на своем веку, а я? Я прослужил по судебному ведомству двадцать восемь лет, но еще не жил, ничего не испытал в конце концов, и, понятная вещь, жить мне очень хочется. Вы сыты и равнодушны, и потому имеете склонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.

Дорн. Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие.

Маша *(встает)*. Завтракать пора, должно быть. *(Идет ленивою, вялою походкой.)* Ногу отсидела... *(Уходит.)*

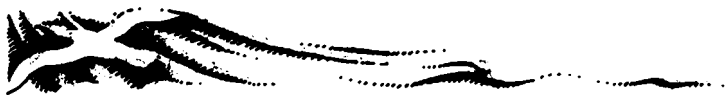
Дорн. Пойдет и перед завтраком две рюмочки пропустит.

Сорин. Личного счастья нет у бедняжки.

Дорн. Пустое, ваше превосходительство.

Сорин. Вы рассуждаете как сытый человек.

Аркадина. Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не делает, все философствуют... Хорошо с вами, друзья, приятно вас слушать, но... сидеть у себя в номере и учить роль — куда лучше!

Нина (*восторженно*). Хорошо! Я понимаю вас.

Сорин. Конечно, в городе лучше. Сидишь в своем кабинете, лакей никого не выпускает без доклада, телефон... на улице извозчики и все...

Дорн (*напевает*). «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Входит Шамраев, за ним Полина Андреевна.

Шамраев. Вот и наши. Добрый день! (*Целует руку у Аркадиной, потом у Нины.*) Весьма рад видеть вас в добром здравье. (*Аркадиной.*) Жена говорит, что вы собираетесь сегодня ехать с нею вместе в город. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраев. Гм... Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты. А на каких лошадях, позвольте вас спросить?

Аркадина. На каких? Почему я знаю — на каких!

Сорин. У нас же выездные есть.

Шамраев (*волнуясь*). Выездные? А где я возьму хомуты? Где я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ехать? Странное дело!

Шамраев. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!

Аркадина (*вспыхив*). Это старая история! В таком случае я сегодня же уезжаю в Москву. Прикажите нанять для меня лошадей в деревне, а то я уйду на станцию пешком!

Шамраев (*вспыхив*). В таком случае я отказываюсь от места! Ищите себе другого управляющего! (*Уходит.*)

Аркадина. Каждое лето так, каждое лето меня здесь оскорбляют! Нога моя здесь больше не будет! (*Уходит влево, где предполагается купальня; через минуту видно, как она проходит в дом; за нею идет Григорин с удочками и с ведром.*)

Сорин (*вспыхив*). Это нахальство! Это черт знает что такое! Мне это надоело в конце концов. Сейчас же подать сюда всех лошадей!

Нина (*Полине Андреевне*). Отказать Ирине Николаевне, знаменитой артистке! Разве всякое желание ее, даже каприз, не важнее вашего хозяйства? Просто невероятно!

Полина Андреевна (*в отчаянии*). Что я могу? Войдите в мое положение: что я могу?

Сорин (*Нине*). Пойдемте к сестре... Мы все будем умолять ее, чтобы она не уезжала. Не правда ли? (*Глядя по направлению, куда ушел Шамраев.*) Невыносимый человек! Деспот!

Нина (*мешая ему встать*). Сидите, сидите... Мы вас довезем...

Она и Медведенко катят кресло.

О, как это ужасно!..

Сорин. Да, да, это ужасно... Но он не уйдет, я сейчас поговорю с ним.

Уходят; остаются только Дорн и Полина Андреевна.

Дорн. Люди скучны. В сущности, следовало бы вашего мужа отсюда просто в шею, а ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения. Вот увидите!

Полина Андреевна. Он и выездных лошадей послал в поле. И каждый день такие недора-

зумения. Если бы вы знали, как это волнует меня! Я заболеваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости. (*Умоляюще.*) Евгений, дорогой, ненаглядный, возьмите меня к себе... Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать...

Пауза.

Дорн. Мне пятьдесят пять лет, уже поздно менять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мне, потому что, кроме меня, есть женщины, которые вам близки. Взять всех к себе невозможно. Я понимаю. Простите, я надоела вам.

Нина показывается около дома; она рвет цветы.

Дорн. Нет, ничего.

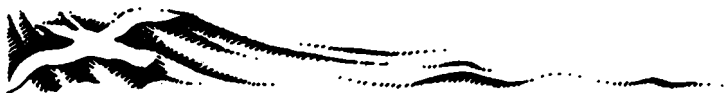
Полина Андреевна. Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор, вам нельзя избегать женщин. Я понимаю...

Дорн (*Нине, которая подходит*). Как там?

Нина. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Дорн (*встает*). Пойти дать обоим валериановых капель...

Н и н а (*подает ему цветы*). Извольте!

Дорн. *Merci bien.* (*Идет к дому.*)

Полина Андреевна (*идя с ним*). Какие миленькие цветы! (*Около дома, глухим голосом.*) Дайте мне эти цветы! Дайте мне эти цветы! (*Получив цветы, рвет их и бросает в сторону.*)

Оба идут в дом.

Н и н а (*одна*). Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух голавлей. Я думала, что известные люди горды, неприступны, что они презирают толпу и своею славой, блеском своего имени как бы мстят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство. Но они вот плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все...

Треплев (*входит без шляпы, с ружьем и с убитой чайкой*). Вы одни здесь?

Н и н а. Одна.

Треплев кладет у ее ног чайку.

Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Нина. Что с вами? *(Поднимает чайку и глядит на нее.)*

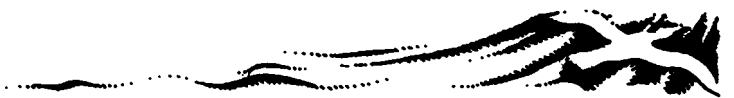
Треплев *(после паузы)*. Скоро таким же образом я убью самого себя.

Нина. Я вас не узнаю.

Треплев. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... *(Кладет чайку на скамью.)* Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Треплев. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса

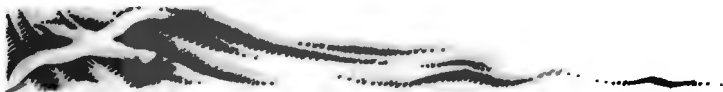

не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много... (*Топнув ногой.*) Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея... (*Увидев Тригорина, который идет, читая книжку.*) Вот идет истинный талант; ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой. (*Дразнит.*) «Слова, слова, слова...» Это солнце еще не подошло к вам, а вы уже улыбаетесь, взгляд ваш растаял в его лучах, не стану мешать вам. (*Уходит быстро.*)

Тригорин (*записывая в книжку*). Нюхает табак и пьет водку. Всегда в черном. Ее любит учитель...

Нина. Здравствуйте, Борис Алексеевич!

Тригорин. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились так, что, кажется, мы сегодня уезжаем. Мы с вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в восемнадцать-девятнадцать лет, и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы

вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете и вообще что вы за легучка.

Нина. А я хотела бы побывать на вашем месте.

Тригорин. Зачем?

Нина. Чтобы узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель. Как чувствуется известность? Как вы ощущаете то, что вы известны?

Тригорин. Как? Должно быть, никак. Об этом я никогда не думал. (*Подумав.*) Что-нибудь из двух: или вы преувеличиваете мою известность, или же вообще она никак не ощущается.

Нина. А если читаете про себя в газетах?

Тригорин. Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе.

Нина. Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы...

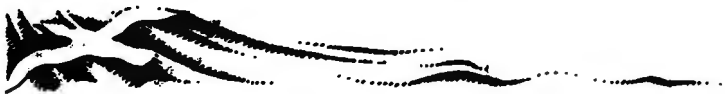

Тригорин. Я? *(Пожимая плечами.)* Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. Ваша жизнь прекрасна!

Тригорин. Что же в ней особенно хорошего? *(Смотрит на часы.)* Я должен сейчас идти и писать. Извините, мне некогда... *(Смеется.)* Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочем, давайте говорить. Будем говорить о моей прекрасной, светлой жизни... Ну-о, с чего начнем? *(Подумав немного.)* Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что ж тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между

тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовый цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве я не сумасшедший? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною как со здоровым? «Что пописываете? Чем нас подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение — все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко

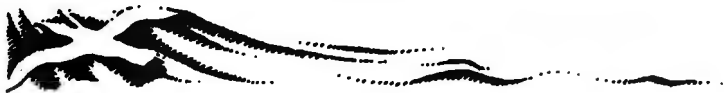

мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом. А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель, особенно когда ему не везет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишним, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродит он около людей, причастных к литературе и к искусству, непризнанный, никем не замечаемый, боясь прямо и смело глядеть в глаза, точно страстный игрок, у которого нет денег. Я не видел своего читателя, но почему-то в моем воображении он представлялся мне недружелюбным, недоверчивым. Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, как это ужасно! Какое это было мучение!

Н и н а. Позвольте, но разве вдохновение и самый процесс творчества не дают вам высоких, счастливых минут?

Т р и г о р и н. Да. Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно, но... едва вышло из печати, как я не выношу и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и

мне досадно, на душе дрянно... (Смеется.) А публика читает: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но „Отцы и дети“ Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева».

Нина. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Тригорин. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чадy и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч. и проч., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я менюсь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед,

а я все отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и в конце концов чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив и фальшив до мозга костей.

Н и н а. Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение. Пусть вы недовольны собою, но для других вы велики и прекрасны! Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

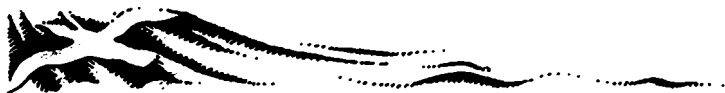
Тригорин. Ну, на колеснице... Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись.

Н и н а. За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование, я жила бы под крышей и ела бы только ржаной хлеб, страдала бы от недовольства собою, от сознания своих несовершенств, но зато бы уж я потребовала славы... настоящей, шумной славы... *(Закрывает лицо руками.)* Голова кружится... Уф!..

Голос Аркадиной из дому: «Борис Алексеевич!»

Тригорин. Меня зовут... Должно быть, укладываться. А не хочется уезжать. (*Оглядывается на озеро.*) Ишь ведь какая благодать!.. Хорошо!

Нина. Видите на том берегу дом и сад?

Тригорин. Да.

Нина. Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на нем каждый островок.

Тригорин. Хорошо у вас тут! (*Увидев чайку.*) А это что?

Нина. Чайка. Константин Гаврилыч убил.

Тригорин. Красивая птица. Право, не хочется уезжать. Вот уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась. (*Записывает в книжку.*)

Нина. Что это вы пишете?

Тригорин. Так записываю... Сюжет мелькнул... (*Пряча книжку.*) Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку.

Пауза.

В окне показывается Аркадина.

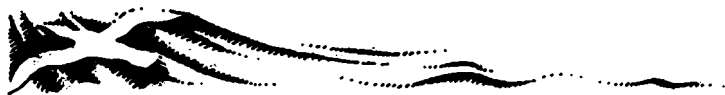
Аркадина. Борис Алексеевич, где вы?
Тригорин. Сейчас! (*Идет и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной.*) Что?
Аркадина. Мы остаемся.

Тригорин уходит в дом.

Нина (*подходит к рампе; после некоторого раздумья*). Сон!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая в доме Сорина. Направо и налево двери. Буфет. Шкаф с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки, заметны приготовления к отъезду. Тригорин завтракает. М а ш а стоит у стола.

М а ш а. Все это я рассказываю вам как писателю. Можете воспользоваться. Я вам по совести: если бы он ранил себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву.

Тригорин. Каким же образом?

М а ш а. Замуж выхожу. За Медведенка.

Тригорин. Это за учителя?

М а ш а. Да.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то... А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое. И все-таки, знаете ли, перемена. Не повторить ли нам?

Тригорин. А не много ли будет?

Маша. Ну, вот! *(Наливает по рюмке.)* Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно. Да. И всё водку или коньяк. *(Чокается.)* Желаю вам! Вы человек простой, жалко с вами расставаться.

Пьют.

Тригорин. Мне самому не хочется уезжать.

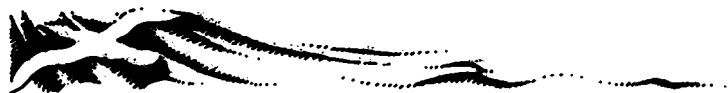
Маша. А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригорин. Нет, теперь не останется. Сын ведет себя крайне бестактно. То стрелялся, а теперь, говорят, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыркает, проповедует новые формы... Но ведь всем хватит места, и новым и старым, — зачем толкаться?

Маша. Ну, и ревность. Впрочем, это не мое дело.

Пауза. Яков проходит слева направо с чемоданом; входит Нина и останавливается у окна.

Мой учитель не очень-то умен, но добрый человек и бедняк, и меня сильно любит. Его жалко. И его мать-старушку жалко. Ну-с, позвольте пожелать вам всего хорошего. Не поминайте лихом. (*Крепко пожимает руку.*) Очень вам благодарна за ваше доброе расположение. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! (*Уходит.*)

Нина (*протягивая в сторону Тригорина руку, сжатую в кулак*). Чет или нечет?

Тригорин. Чет.

Нина (*вздыхнув*). Нет. У меня в руке только одна горошина. Я загадала: идти мне в актрисы или нет? Хоть бы посоветовал кто.

Тригорин. Тут советовать нельзя.

Пауза.

Нина. Мы расстаемся и... пожалуй, более уже не увидимся. Я прошу вас принять от меня на память вот этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы... а с этой стороны название вашей книжки: «Дни и ночи».

Тригорин. Как грациозно! (*Целует медальон.*) Прелестный подарок!

Нина. Иногда вспоминайте обо мне.

Тригорин. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать вас, какую вы были в тот ясный день — помните? — неделю назад, когда вы были в светлом платье... Мы разговаривали... еще тогда на скамье лежала белая чайка.

Нина (*задумчиво*). Да, чайка.

Пауза.

Больше нам говорить нельзя, сюда идут... Перед отъездом дайте мне две минуты, умоляю вас... (*Уходит влево.*)

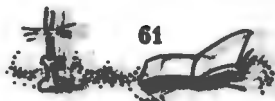
Одновременно входят справа Аркадина, Сорин во фраке со звездой, потом Яков, озабоченный укладкой.

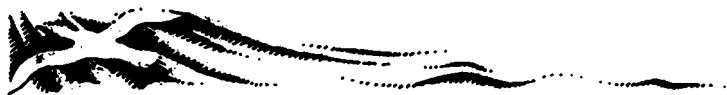
Аркадина. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? (*Тригорину.*) Это кто сейчас вышел? Нина?

Тригорин. Да.

Аркадина. Pardon, мы помешали... (*Садится.*) Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригорин (*читает на медальоне*). «„Дни и ночи“, страница 121, строки 11 и 12».

Яков (*убирая со стола*). Удочки тоже прикажете уложить?

Тригорин. Да, они мне еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яков. Слушаю.

Тригорин (*про себя*). Страница 121, строки 11 и 12. Что же в этих строках? (*Аркадиной.*) Тут в доме есть мои книжки?

Аркадина. У брата в кабинете, в угловом шкапу.

Тригорин. Страница 121... (*Уходит.*)

Аркадина. Право, Петруша, остался бы дома...

Сорин. Вы уезжаете, без вас мне будет тяжело дома.

Аркадина. А в городе что же?

Сорин. Особенно ничего, но все же. (*Смеется.*) Будет закладка земского дома и все такое... Хочется хоть на час-другой воспрянуть от этой пескаринной жизни, а то очень уж я залежался, точно старый мундштук. Я приказал подавать лошадей к часу, в одно время и выедем.

Аркадина (*после паузы*). Ну, живи тут, не скучай, не простуживайся. Наблюдай за сыном. Береги его. Наставляй.

Пауза.

Вот уеду, так и не буду знать, отчего стрелялся Константин. Мне кажется, главной причиной была ревность, и чем скорее я увезу отсюда Тригорина, тем лучше.

Сорин. Как тебе сказать? Были и другие причины. Понятная вещь, человек молодой, умный, живет в деревне, в глуши, без денег, без положения, без будущего. Никаких занятий. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и он ко мне привязан, но все же в конце концов ему кажется, что он лишний в доме, что он тут нахлебник, приживал. Понятная вещь, самолюбие...

Аркадина. Горе мне с ним! *(В раздумье.)* Поступить бы ему на службу, что ли...

Сорин *(насвистывает, потом нерешительно)*. Мне кажется, было бы самое лучшее, если бы ты... дала ему немного денег. Прежде всего ему нужно одеться по-человечески и все. Посмотри, один и тот же сюртучишко он таскает три года, ходит без пальто... *(Смеется.)* Да и погулять малому не мешало бы... Поехать за границу, что ли... Это ведь не дорого стоит.

Аркадина. Все-таки. Пожалуй, на костюм я еще могу, но чтоб за границу... Нет, в настоящее

время и на костюм не могу. (*Решительно.*) Нет у меня денег!

Сорин смеется.

Нет!

Сорин (*насмешливо*). Так-с. Прости, милая, не сердись. Я тебе верю... Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина (*сквозь слезы*). Нет у меня денег!

Сорин. Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы сам дал ему, но у меня ничего нет, ни пятак. (*Смеется.*) всю мою пенсию у меня забирает управляющий и тратит на земледелие, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадают даром. Пчелы дохнут, коровы дохнут, лошадей мне никогда не дают...

Аркадина. Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка; одни туалеты разорили совсем.

Сорин. Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мною что-то того... (*Пошатывается.*) Голова кружится. (*Держится за стол.*) Мне дурно и все.

Аркадина (*испуганно*). Петруша! (*Стараясь поддержать его.*) Петруша, дорогой мой... (*Кричит.*) Помогите мне! Помогите!...

Входят Треплев с повязкой на голове, Медведенко.

Ему дурно!

Сорин. Ничего, ничего... (Улыбается и пьет воду.) Уже прошло... и все...

Треплев (матери). Не пугайся, мама, это не опасно. С дядей теперь это часто бывает. (Дяде.) Тебе, дядя, надо полежать.

Сорин. Немножко, да... А все-таки в город я поеду... Полежу и поеду... понятная вещь... (Идет, опираясь на трость.)

Медведенко (ведет его под руку). Есть загадка: утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех...

Сорин (смеется). Именно. А ночью на спине. Благодарю вас, я сам могу идти...

Медведенко. Ну вот, церемонии!..

Он и Сорин уходят.

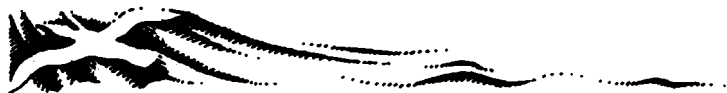
Аркадина. Как он меня напугал!

Треплев. Ему нездорово жить в деревне. Тоскует. Вот если бы ты, мама, вдруг расщедрилась и дала ему займы тысячи полторы-две, то он мог бы прожить в городе целый год.

Аркадина. У меня нет денег. Я актриса, а не банкирша.

Пауза.

Треплев. Мама, перемени мне повязку. Ты это хорошо делаешь.

Аркадина (*достает из аптечного шкафа йодоформ и ящик с перевязочным материалом*). А доктор опоздал.

Треплев. Обещал быть к десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись. (*Снимает у него с головы повязку.*) Ты как в чалме. Вчера один приезжий спрашивал на кухне, какой ты национальности. А у тебя почти совсем зажило. Остались самые пустяки. (*Целует его в голову.*) А ты без меня опять не сделаешь чик-чик?

Треплев. Нет, мама. То была минута безумного отчаяния, когда я не мог владеть собою. Больше это не повторится. (*Целует ей руку.*) У тебя золотые руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сцене, — я тогда был маленьким, — у нас во дворе была драка, сильно побили жилищу-прачку. Помнишь? Ее подняли без чувств... ты все ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте ее детей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нет. (*Накладывает новую повязку.*)

Треплев. Две балерины жили тогда в том же доме, где мы... Ходили к тебе кофе пить...

Аркадина. Это помню.

Треплев. Богомольные они такие были.

Пауза.

В последнее время, вот в эти дни, я люблю тебя так же нежно и беззаветно, как в детстве. Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачем, зачем ты поддаешься влиянию этого человека?

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константин. Это благороднейшая личность...

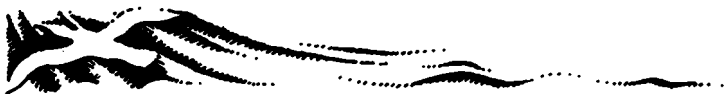
Треплев. Однако когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помешало ему сыграть труса. Уезжает. Поворное бегство!

Аркадина. Какой вздор! Я сама прошу его уехать отсюда.

Треплев. Благороднейшая личность! Вот мы с тобою почти ссоримся из-за него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется над нами... развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.

Аркадина. Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно.

Треплев. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит.

Аркадина. Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение!

Треплев (*иронически*). Настоящие таланты! (*Гневно.*) Я талантливее вас всех, коли на то пошло! (*Срывает с головы повязку.*) Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декадент!..

Треплев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

Треплев. Скряга!

Аркадина. Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество! (Пройдясь в волнении.) Не плачь. Не нужно плакать... (Плачет.) Не надо.. (Целует его в лоб, в щеки, в голову.) Милое мое дитя, прости... Прости свою грешную мать. Прости меня, несчастную.

Треплев (обнимает ее). Если бы ты знала! Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать... пропали все надежды...

Аркадина. Не отчаивайся. Все обойдется. Он сейчас уедет, она опять тебя полюбит. (Утирает ему слезы.) Будет. Мы уже помирились.

Треплев (целует ей руки). Да, мама.

Аркадина (нежно). Помиришь и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?

Треплев. Хорошо... Только мама, позволь мне не встречаться с ним. Мне это тяжело... выше сил..

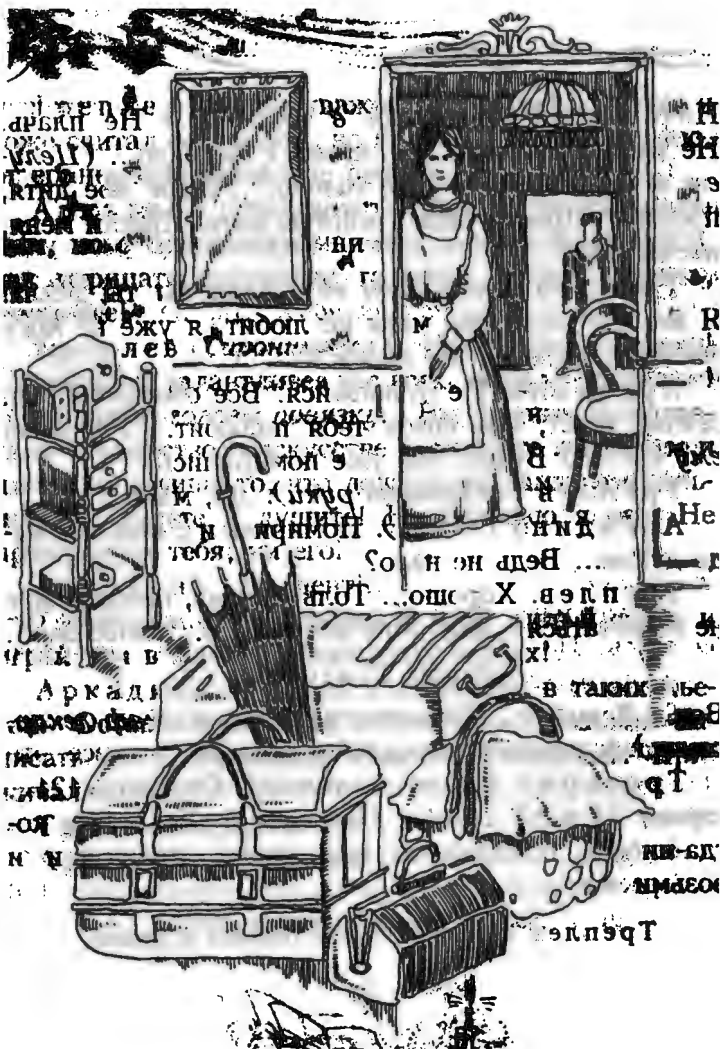
Входит Тригорин.

Вот... Я выйду... (Быстро убирает в шкаф лекарства.) А повязку уже доктор сделает...

Тригорин (ищет в книжке). Страница 121... строки 11 и 12... Вот... (Читает.) «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Треплев подбирает с полу повязку и уходит.

Аркадина (*поглядев на часы*). Скоро лошадей подадут.

Тригорин (*про себя*). Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее.

Аркадина. У тебя, надеюсь, все уже уложено?

Тригорин (*нетерпеливо*). Да, да... (*В раздумье.*) Отчего в этом призыве чистой души послышалась мне печаль и мое сердце так болезненно сжалось?.. Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее. (*Аркадиной.*) Останемся еще на один день!

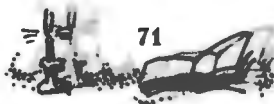
Аркадина отрицательно качает головой,

Останемся!

Аркадина. Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собою власть. Ты немного опьянел, отрезвись.

Тригорин. Будь ты тоже трезва, будь умна, рассудительна, умоляю тебя, взгляни на все это как истинный друг... (*Жмет ей руку.*) Ты способна на жертвы... Будь моим другом, отпусти меня.

Аркадина (*в сильном волнении*). Ты так увлечен?

Тригорин. Меня манит к ней! Быть может, это именно то, что мне нужно.

Аркадина. Любовь провинциальной девочки? О, как ты мало себя знаешь!

Тригорин. Иногда люди спят на ходу, так вот я говорю с тобою, а сам будто сплю и вижу ее во сне... Мною овладели сладкие, дивные мечты... Отпусти...

Аркадина (*дрожа*). Нет, нет... Я обыкновенная женщина, со мною нельзя говорить так... Не мучай меня, Борис... Мне страшно...

Тригорин. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грез, — на земле только она одна может дать счастье! Такой любви я не испытал еще... В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой... Теперь вот она, эта любовь, пришла наконец, манит... Какой же смысл бежать от нее?

Аркадина (*с гневом*). Ты сошел с ума!

Тригорин. И пускай.

Аркадина. Вы все сговорились сегодня мучить меня! (*Плачет.*)

Тригорин (*берет себя за голову*). Не понимает! Не хочет понять!

Аркадина. Неужели я уж так стара и безобразна, что со мною можно, не стесняясь, говорить о других женщинах? *(Обнимает его и целует.)* О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты последняя страница моей жизни! *(Становится на колени.)* Моя радость, моя гордость, мое блаженство.. *(Обнимает его колени.)* Если ты покинешь меня хоть на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепный, мой повелитель.

Тригорин. Сюда могут войти. *(Помогает ей встать.)*

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви к тебе. *(Целует ему руки.)* Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пушу... *(Смеется.)* Ты мой... ты мой... И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России... У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... Ты можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя как живые. О, тебя нельзя читать без восторга! Ты думаешь, это фи-

миам? Я лъжу? Ну, посмотри мне в глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный... Поедешь? Да? Ты меня не покинешь?..

Тригорин. У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыжый, всегда мокрый — неужели это может нравиться женщине? Бери меня, увози, но только не отпуская от себя ни на шаг...

Аркадина (*про себя*). Теперь он мой. (*Развязно, как ни в чем не бывало.*) Впрочем, если хочешь, можешь остаться. Я уеду сама, а ты приедешь потом, через неделю. В самом деле, куда тебе спешить?

Тригорин. Нет, уж поедем вместе.

Аркадина. Как хочешь. Вместе так вместе...

Пауза.

Тригорин записывает в книжку.

Что ты?

Тригорин. Утром слышал хорошее выражение: «Девичий бор...» Пригодится. (*Потягивается.*) Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры...

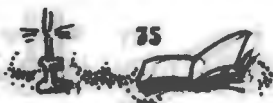

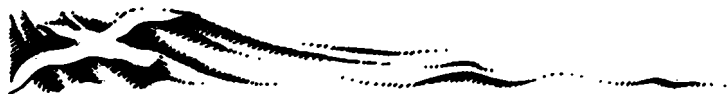

Шамраев (*выходит*). Имею честь с прискорбием заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ехать на станцию; поезд приходит в два и пять минут. Так вы же, Ирина Николаевна, сделайте милость, не забудьте навести справочку: где теперь актер Суздальцев? Жив ли? Здоров ли? Вместе пивали когда-то... В «Ограбленной почте» играл неподражаемо... С ним тогда, помню, в Елисаветграде служил трагик Измайлов, тоже личность замечательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минут еще можно. Раз в одной мелодраме они играли заговорщиков, и когда их вдруг накрыли, то надо было сказать: «Мы попали в западню», а Измайлов — «Мы попали в запандю»... (*Хохочет.*) Запандю!..

Пока он говорит, Яков хлопочет около чемоданов, горничная приносит Аркадиной шляпу, манто, зонтик, перчатки; все помогают Аркадиной одеться. Из левой двери выглядывает повар, который немного погодя входит нерешительно. Входят Полина Андреевна, потом Сорин и Медвѣденко.

Полина Андреевна (*с корзиночкой*). Вот вам слив на дорогу... Очень сладкие. Может, захотите полакомиться...

Аркадина. Вы очень добры, Полина Андреевна.

Полина Андреевна. Прощайте, моя дорогая! Если что было не так, то простите. *(Плачет.)*

Аркадина *(обнимает ее)*. Все было хорошо, все было хорошо. Только вот плакать не нужно.

Полина Андреевна. Время наше уходит!

Аркадина. Что же делать!

Сорин *(в пальто с пелериной, в шляпе, с палкой, выходит из левой двери; проходя через комнату)*. Сестра, пора, как бы не опоздать в конце концов. Я иду садиться. *(Уходит.)*

Медведенко. А я пойду пешком на станцию... провожать. Я живо... *(Уходит.)*

Аркадина. До свидания, мои дорогие... Если будем живы и здоровы, летом опять увидимся...

Горничная, Яков и повар целуют у нее руку.

Не забывайте меня. *(Подает повару рубль.)* Вот вам рубль на троих.

Повар. Покорнейше благодарим, барыня. Счастливой вам дороги! Много вами довольны!

Яков. Дай Бог час добрый!

Шамраев. Письмецом бы осчастливили! Прощайте, Борис Алексеевич!

Аркадина. Где Константиң? Скажите ему, что я уезжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихом. *(Якову.)* Я дала рубль повару. Это на троих.

Все уходят вправо. Сцена пуста. За сценой шум, какой бывает, когда провожают. Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходит.

Тригорин *(возвращаясь)*. Я забыл свою трость. Она, кажется, там на террасе. *(Идет и у левой двери встречается с Ниной, которая входит.)* Это вы? Мы уезжаем.

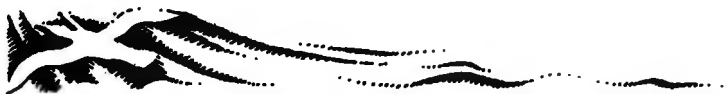
Нина. Я чувствовала, что мы еще увидимся. *(Возбужденно.)* Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь, я уйду от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву. Мы увидимся там.

Тригорин *(оглянувшись)*. Остановитесь в «Славянском базаре»... Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь...

Пауза.

Нина. Еще одну минуту...

Тригорин (*вполголоса*). Вы так прекрасны...
О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!

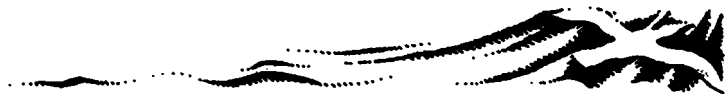
Она склоняется к нему на грудь.

Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку... эти кроткие черты, выражение ангельской чистоты... Дорогая моя...

Продолжительный поцелуй.

Занавес

Между третьим и четвертым действием проходит два года.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях. Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Стучит сторож.

Медведенко и Маша входят.

М а ш а (*окликает*). Константин Гаврилыч! Константин Гаврилыч! (*Осматриваясь.*) Нет никого. Старик каждую минуту все спрашивает, где Костя, где Костя... Жить без него не может...

Медведенко. Боится одиночества. (*Прислушиваясь.*) Какая ужасная погода! Это уже вторые сутки.

Маша (*припускает огня в лампе*). На озере волны. Громадные.

Медведенко. В саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали в саду тот театр. Стоит голый, безобразный, как скелет, и занавеска от ветра хлопает. Когда я вчера вечером проходил мимо, то мне показалось, будто кто в нем плакал...

Маша. Ну вот...

Пауза.

Медведенко. Поедем, Маша, домой!

Маша (*качает отрицательно головой*). Я здесь останусь ночевать.

Медведенко (*умоляюще*). Маша, поедem! Наш ребеночек небось голоден.

Маша. Пустяки. Его Матрена покормит.

Пауза.

Медведенко. Жалко, уже третью ночь без матери.

Маша. Скучный ты стал. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенок, домой, ребенок, домой, — и больше от тебя ничего не услышишь.

Медведенко. Поедем, Маша!

Маша. Поезжай сам.

Медведенко. Твой отец не даст мне лошади.

Маша. Даст. Ты попроси, он и даст.

Медведенко. Пожалуй, попрошу. Значит, ты завтра приедешь?

Маша (*нюхает табак*). Ну, завтра. Пристал...

Входят Треплев и Полина Андреевна; Треплев принес подушки и одеяло, а Полина Андреевна постельное белье; кладут на турецкий диван, затем Треплев идет к своему столу и садится.

Зачем это, мама?

Полина Андреевна. Петр Николаевич просил постлать ему у Кости.

Маша. Давайте я... (*Постилает постель.*)

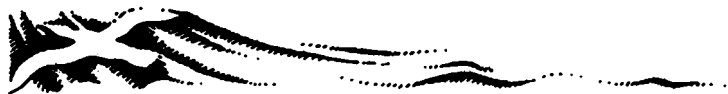
Полина Андреевна (*вздыхнув*). Старый что малый... (*Подходит к письменному столу и, облокотившись, смотрит в рукопись.*)

Пауза.

Медведенко. Так я пойду. Прощай, Маша. (*Целует у жены руку.*) Прощайте, мамаша. (*Хочет поцеловать руку у тещи.*)

Полина Андреевна (*досадливо*). Ну! Иди с Богом.

Медведенко. Прощайте, Константин Гаврилыч.

Треплев молча подает руку; Медведенко уходит.

Полина Андреевна (*глядя в рукопись*). Никто не думал и не гадал, что из вас, Костя, выйдет настоящий писатель. А вот, слава Богу, и деньги стали вам присылать из журналов. (*Проводит рукой по его волосам.*) И красивый стал... Милый Костя, хороший, будьте поласковее с моей Машенькой!..

Маша (*постеляя*). Оставьте его, мама.

Полина Андреевна (*Треплеву*). Она славенькая.

Пауза.

Женщине, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себе знаю.

Треплев встает из-за стола и молча уходит.

Маша. Вот и рассердили. Надо было приставать!

Полина Андреевна. Жалко мне тебя, Машенька.

Маша. Очень нужно!

Полина Андреевна. Сердце мое за тебя переболело. Я ведь все вижу, все понимаю.

Маша. Все глупости. Безднадежная любовь — это только в романах. Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Раз в сердце завелась любовь, надо ее вон. Вот обещали перевести мужа в другой уезд. Как переедем туда, — все забуду... с корнем из сердца вырву.

Через две комнаты играют меланхолический вальс.

Полина Андреевна. Костя играет. Значит, тоскует.

Маша (*делает бесшумно два-три тура вальса*). Главное, мама, перед глазами не видеть. Только бы дали моему Семену перевод, а там, поверьте, в один месяц забуду. Пустяки все это.

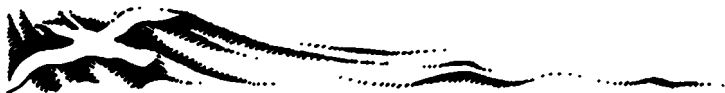
Открывается левая дверь, Дорн и Медведенко катят в кресле Сорина.

Медведенко. У меня теперь в доме шестеро. А мука семь гривен пуд.

Дорн. Вот тут и вертись.

Медведенко. Вам хорошо смеяться. Денег у вас куры не клюют.

Дорн. Денег? За тридцать лет практики, мой друг, беспокойной практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет.

Маша (*мужу*). Ты не уехал?

Медведенко (*виновато*). Что ж? Когда не дают лошади!

Маша (*с горькою досадой, вполголоса*). Глаза бы мои тебя не видели!

Кресло останавливается в левой половине комнаты; Полина Андреевна, Маша и Дорн садятся возле; Медведенко, опечаленный, отходит в сторону.

Дорн. Сколько у вас перемен, однако! Из гостиной сделали кабинет.

Маша. Здесь Константину Гаврилычу удобнее работать. Он может, когда угодно, выходить в сад и там думать.

Стучит сторож.

Сорин. Где сестра?

Дорн. Поехала на станцию встречать Тригорина. Сейчас вернется.

Сорин. Если вы нашли нужным выписать сюда сестру, значит, я опасно болен. (*Помолчав.*) Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств.

Дорн. А чего вы хотите? Валериановых капель? Сода? Хины?

Сорин. Ну, начинается философия. О, что за наказание! (*Кивнув головой на диван.*) Это для меня постлано?

Полина Андреевна. Для вас, Петр Николаевич.

Сорин. Благодарю вас.

Дорн (*напевает*). «Месяц плывет по ночным небесам...»

Сорин. Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так: «Человек, который хотел». «L'homme, qui a voulu». В молодости когда-то хотел я сделаться литератором — и не сделался; хотел красиво говорить — и говорил отвратительно (*дразнит себя*): «и все и все такое, того, не того...» и, бывало, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит; хотел жениться — и не женился; хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне и все.

Дорн. Хотел стать действительным статским советником — и стал.

Сорин (смеется). К этому я не стремился. Это вышло само собою.

Дорн. Выразить недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, — это не великодушно.

Сорин. Какой упрямец. Поймите, жить хочется!

Дорн. Это легкомыслие. По законам природы всякая жизнь должна иметь конец.

Сорин. Вы рассуждаете как сытый человек. Вы сыты и потому равнодушны к жизни, вам все равно. Но умирать и вам будет страшно.

Дорн. Страх смерти — животный страх... Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов. А вы, во-первых, неверующий, во-вторых, — какие у вас грехи? Вы двадцать пять лет прослужили по судебному ведомству — только всего.

Сорин (смеется). Двадцать восемь...

Входит Треплев и садится на скамеечке у ног Сорина, Маша все время не отрывает от него глаз.

Дорн. Мы мешаем Константину Гавриловичу работать.

Треплев. Нет, ничего.

Пауза.

Медведенко. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Дорн. Генуя.

Треплев. Почему Генуя?

Дорн. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?

Треплев. Должно быть, здорова.

Дорн. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

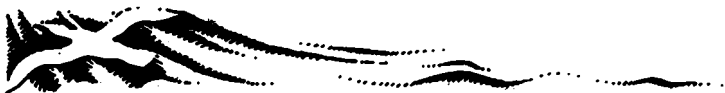
Треплев. Это, доктор, длинная история.

Дорн. А вы покороче.

Пауза.

Треплев. Она убежала из дому и сошлась с Тригоиным. Это вам известно?

Дорн. Знаю.

Треплев. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а, по бесхарактерности, как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорн. А сцена?

Треплев. Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упускал ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Дорн. Значит, все-таки есть талант?

Треплев. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хотела меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

Пауза.

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Дорн. То есть как здесь?

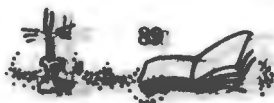
Треплев. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в номере. Я было поехал к ней, и вот Марья Ильинишна ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

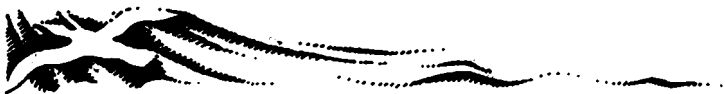
Медведенко. Да, я видел. Шла в ту сторону, к городу. Я поклонился, спросил, отчего не идет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Треплев. Не придет она.

Пауза.

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. *(Отходит с доктором к письменному столу.)*

Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

Сорин. Прелестная была девушка.

Дорн. Что-с?

Сорин. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Дорн. Старый ловелас.

Слышен смех Шамраева.

Полина Андреевна. Кажется, наши приехали со станции...

Треплев. Да, я слышу маму.

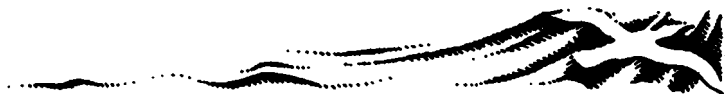
Входят Аркадина, Тригорин, за ними Шамраев.

Шамраев (*входя*). Мы все стареем, выветриваемся под слиянием стихий, а вы, многоуважаемая, все еще молоды... Светлая кофточка, живость... грация...

Аркадина. Вы опять хотите сглазить меня, скучный человек!

Тригорин (*Сорину*). Здравствуйте, Петр Николаевич! Что это вы всё хвораете? Нехорошо! (*Увидев Машу, радостно.*) Марья Ильинична!

Маша. Узнали? (*Жмет ему руку.*)

Тригорин. Замужем?

Маша. Давно.

Тригорин. Счастливы? (*Раскланивается с Дорном и с Медведенком, потом нерешительно подходит к Треплеву.*) Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гневаться.

Треплев протягивает ему руку.

Аркадина (*сыну*). Вот Борис Алексеевич привез журнал с твоим новым рассказом.

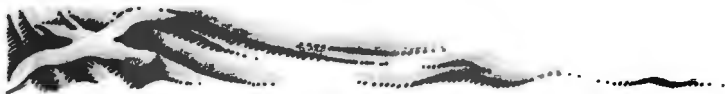
Треплев (*принимая книгу, Тригорину*). Благодарю вас. Вы очень любезны.

Садятся.

Тригорин. Вам шлют поклон ваши почитатели... В Петербурге и в Москве вообще заинтересованы вами, и меня всё спрашивают про вас. Спрашивают: какой он, сколько лет, брюнет или блондин. Думают все почему-то, что вы уже немолоды. И никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печтаетесь под псевдонимом. Вы таинственны, как Железная Маска.

Треплев. Надолго к нам?

Тригорин. Нет, завтра же думаю в Москву. Надо. Тороплюсь кончить повесть, и затем еще обещал дать что-нибудь в сборник. Одним словом — старая история.

Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья. Достают из шкафа лото.

Погода встретила меня неласково. Ветер жестокий. Завтра утром, если утихнет, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати, надо осмотреть сад и то место, где — помните? — играли вашу пьесу. У меня созрел мотив, надо только возобновить в памяти место действия.

Маша (*отцу*). Папа, позволь мужу взять лошады! Ему нужно домой.

Шамраев (*дразнит*). Лошадь... домой... (*Строго.*) Сама видела: сейчас посылали на станцию. Не гонять же опять.

Маша. Но ведь есть другие лошади... (*Видя, что отец молчит, машет рукой.*) С вами связываться...

Медведенко. Я, Маша, пешком пойду. Право.

Полина Андреевна (*вздыхнув*). Пешком в такую погоду... (*Садится за ломберный стол.*) Пожалуйста, господа.

Медведенко. Ведь всего только шесть верст Прощай... (*Целует жене руку.*) Прощайте, мамаша.

Теща нехотя протягивает ему для поцелуя руку.

Я бы никого не беспокоил, но ребеночек... (*Кланяется всем.*) Прощайте... (*Уходит; походка виноватая.*)

Шамраев. Небось дойдет. Не генерал.

Полина Андреевна (*стучит по столу*). Пожалуйста, господа. Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут.

Шамраев, Маша и Дорн садятся за стол.

Аркадина (*Тригорину*). Когда наступают длинные осенние вечера, здесь играют в лото. Вот взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми. Не хотите ли до ужина сыграть с нами партию? (*Садится с Тригоринным за стол.*) Игра скучная, но если привыкнуть к ней, то ничего. (*Сдает всем по три карты.*)

Треплев (*перелистывая журнал*). Свою повесть прочел, а моей даже не разрезал. (*Кладет*

журнал на письменный стол, потом направляется к левой двери; проходя мимо матери, целует ее в голову.)

Аркадина. А ты, Костя?

Треплев. Прости, что-то не хочется... Я прой-
дусь. (Уходит.)

Аркадина. Ставка — гривенник. Поставь за ме-
ня, доктор.

Дорн. Слушаю-с.

Маша. Все поставили? Я начинаю... Двадцать
два!

Аркадина. Есть.

Маша. Три!...

Дорн. Так-с.

Маша. Поставили три? Восемь! Восемьдесят
один! Десяты!

Шамраев. Не спеш.

Аркадина. Как меня в Харькове принимали,
бабушки мои, до сих пор голова кружится!

Маша. Тридцать четыре!

За сценой играют меланхолический вальс.

Аркадина. Студенты овацию устроили... Три
корзины, два венка и вот... (Снимает с груди брошь
и бросает на стол.)

Шамраев. Да, это вещь...

Маша. Пятьдесят!..

Дорн. Ровно пятьдесят?

Аркадина. На мне был удивительный туалет
Что-что, а уж одеться я не дура.

Полина Андреевна. Костя играет. Тоскует,
бедный.

Шамраев. В газетах бранят его очень.

Маша. Семьдесят семь!

Аркадина. Охота обращать внимание.

Тригорин. Ему не везет. Все никак не может
попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, не-
определенное, порой даже похожее на бред. Ни од-
ного живого лица.

Маша. Одиннадцать!

Аркадина (оглянувшись на Сорина). Петру-
ша, тебе скучно?

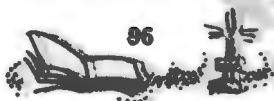
Пауза.

Спит.

Дорн. Спит действительный статский совет-
ник.

Маша. Семь! Девяносто!

Тригорин. Если бы я жил в такой усадьбе, у
озера, то разве я стал бы писать? Я поборол бы

в себе эту страсть и только и делал бы, что удил рыбу.

Маша. Двадцать восемь!

Тригорин. Поймать ерша или окуня — это такое блаженство!

Дорн. А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, яркие, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач. Производит впечатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатлении далеко не уедешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

Треплев тихо входит и идет к своему столу.

Шамраев (*Тригорину*). А у нас, Борис Алексеевич, осталась ваша вещь.

Тригорин. Какая.

Шамраев. Как-то Константин Гаврилыч застрелил чайку, и вы поручили мне заказать из нее чуело.

Тригорин. Не помню. (*Раздумывая.*) Не помню!

Маша. Шестьдесят шесть! Один!

Треплев (*распахивает окно, прислушивается*). Как темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое беспокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дует.

Треплев закрывает окно.

Маша. Восемьдесят восемь!

Тригорин. У меня партия, господа.

Аркадина (*весело*). Bravo! Bravo!

Шамраев. Bravo!

Аркадина. Этому человеку всегда и везде везет. (*Встает.*) А теперь пойдемте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обедала сегодня. После ужина будем продолжать. (*Сыну.*) Костя, оставь свои рукописи, пойдем есть.

Треплев. Не хочу, мама, я сыт.

Аркадина. Как знаешь. (*Будит Сорина.*) Петруша, ужинать! (*Берет Шамраева под руку.*) Я расскажу вам, как меня принимали в Харькове...

Полина Андреевна тушит на столе свечи, потом она и Дорн катят кресло. Все уходит в левую дверь; на сцене остается один Треплев за письменным столом.

Треплев (*собирается писать, пробегает то, что уже написано*). Я так много говорил о новых

формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. (*Читает.*) «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно. (*Зачеркивает.*) Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно.

Пауза.

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? (*Глядит в окно.*) Ничего не видно... (*Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.*) Кто-то пробежал вниз по ступеням. (*Окликает.*)

Кто здесь? (*Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.*) Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и сдержанно рыдает.

(*Растроганный.*) Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. (*Снимает с нее шляпу и тальму.*) О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем.

Нина. Здесь есть кто-то.

Треплев. Никого.

Нина. Заприте двери, а то войдут.

Треплев. Никто не войдет.

Нина. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Треплев (*запирает правую дверь на ключ, подходит к левой*). Тут нет замка. Я заставлю креслом. (*Ставит у двери кресло.*) Не бойтесь, никто не войдет.

Нина (*пристально глядит ему в лицо*). Дайте я посмотрю на вас. (*Оглядываясь.*) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да... Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу

вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Н и н а. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем.

Садятся.

Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». Я — чайка... Нет, не то. (*Трет себе лоб.*) О чем я? Да... Тургенев... «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам...» Ничего. (*Рыдает.*)

Треплев. Нина, вы опять... Нина!

Н и н а. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и

у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. (*Берет его за руку.*) Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Треплев. Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать.

Треплев. Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима, — я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет. Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни...

Нина (*растерянно*). Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нина быстро надевает шляпу и тайну.

Нина, зачем? Бога ради, Нина... (Смотрит, как она одевается.)

Нина. Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду... (Сквозь слезы.) Дайте воды...

Треплев (дает ей напиток). Вы куда теперь?

Нина. В город.

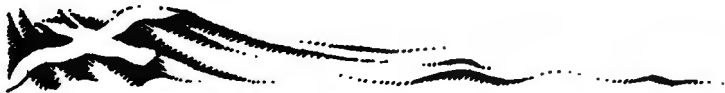
Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да... В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. (Склоняется к столу.) Я так утомилась! Отдохнуть бы...

отдохнуть! *(Поднимает голову.)* Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну да! *(Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.)* И он здесь... *(Возвращаясь к Треплеву.)* Ну да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... *(Трет себе лоб.)* О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так. Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене

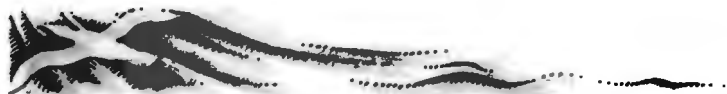
или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Треплев (*печально*). Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Нина (*прислушиваясь*). Тс-с... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большой актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (*Жмет ему руку.*) Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Треплев. Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Нина. Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чист-

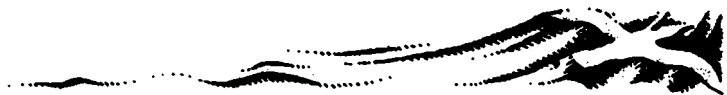
тая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?... *(Читает.)*
«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, утасли. Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...» *(Обнимает порывисто Третлева и убегает в стеклянную дверь.)*

Третлев *(после паузы)*. Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму... *(В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит.)*

Дорн *(стараясь отворить левую дверь)*. Странно. Дверь как будто заперта... *(Входит и ставит на место кресло.)* Скачка с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яков с бутылками и Маша, потом Шамраев и Тригорин.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна (*Якову*). Сейчас же подавай и чай. (*Зажигает свечи, садится за ломберный стол.*)

Шамраев (*подводит Тригорина к шкафу*). Вот вещь, о которой я давеча говорил... (*Достает из шкафа чучело чайки.*) Ваш заказ.

Тригорин (*глядя на чайку*). Не помню! (*Подумав.*) Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

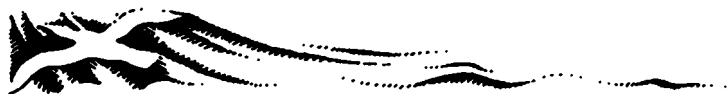
Аркадина (*испуганно*). Что такое?

Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (*Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.*) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (*Напевает.*) «Я вновь пред тобою стою очарован...»

Аркадина (*сидя за стол*). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... (*Закрывает лицо руками.*) Даже в глазах потемнело...

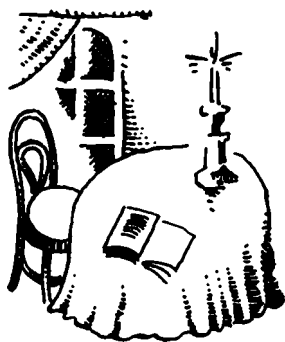
Дорн (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья...

письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... *(берет Тригорина за талию и отводит к рампе)* так как я очень интересуюсь этим вопросом... *(Тоном ниже, вполголоса.)* Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

Занавес

quintyady 31

quintyady 31

quintyady 31

quintyady 31

quintyady 31

quintyady 31

Б. Акунин

ЧАЙКА

**Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2001**

ББК 84. (2Рос-Рус) 6
А 44

Художник А. Татарко

А 44 Акунин Б.
Чайка. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС»,
2001. — 191 с.

ISBN 5-7654-1266-1
ISBN 5-224-02182-0

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-1266-1
ISBN 5-224-02182-0

© В. АКУНИН, 2001
© «Издательский Дом „Нева“», 2001

Б. Акунин ЧАЙКА

Ответственные за выпуск: *Н. Ю. Памфилова, Я. Ю. Матвеева*
Корректоры: *Е. В. Амелогова, О. П. Васильева*
Верстка: *Н. А. Дюжника*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Лицензия ИД № 02040 от 13.06.2000
Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96

Подписано в печать 11.01.2001. Гарнитура «Таймс». Формат 70 × 108¹/₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,98. Усл. печ. л. 8,4. Изд. № 00-1888.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 3826.

«Издательский Дом „Нева“»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одревского, д. 29

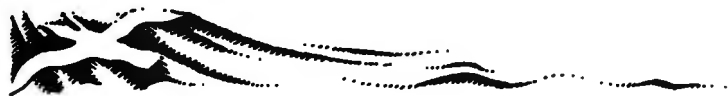
При участии издательства «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

Ч А Й К А

*Комедия
в двух действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, 45 лет, по покойному мужу Треплева, знаменитая актриса.

Константин Гаврилович Треплев, 27 лет, ее сын, писатель.

Петр Николаевич Сорин, ее брат, 62 года, владелец поместья, действительный статский советник в отставке.

Нина Михайловна Заречная, 21 год, актриса, бывшая соседка Сорина.

Илья Афанасьевич Шамраев, 55 лет, отставной поручик, управляющий у Сорина.

Полина Андреевна, 43 года, его жена.

Маша, 24 года, его дочь.

Семен Семенович Медведенко, 30 лет, ее муж, сельский учитель.

Борис Алексеевич Тригорин, 37 лет, столичный беллетрист.

Евгений Сергеевич Дорн, 57 лет, врач.

*Действие происходит в усадьбе Сорина
осенним вечером.*

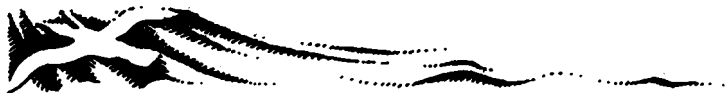
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях. Повсюду — и на шкафу, и на полках, и просто на полу — стоят чучела зверей и птиц: вороны, барсуки, зайцы, кошки, собаки и т. п. На самом видном месте, словно бы во главе всей этой рати, — чучело большой чайки с растопыренными крыльями.

Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Время от времени доносится рокот грома, иногда сопровождаемый вспылками зарниц.

Треплев сидит один за письменным столом. Рядом лежит большой револьвер, и Треплев его рассеянно поглаживает, будто котенка.

Треплев (*пробегаёт глазами рукопись*). «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно (*зачеркивает*). Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание темного лунного вечера длинно и изысканно. (*С раздражением.*) Тригорин выработал себе приемы, ему легко! (*Хватает револьвер, целится в невидимого врага.*) У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно. (*Громко стучает револьвером о стол.*)

Пауза.

Да, я все больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно.

Что такое? (*Снова хватается револьвер, смотрит в окно.*) Ничего не видно... (*Отворяет стеклянную*

дверь и смотрит в сад.) Кто-то пробежал по ступеням. (Окликает с угрозой.) Кто здесь? (Бросается на террасу с самым грозным видом. Возвращается, волоча за руку Нину Заречную. При свете узнает ее, взмахивает рукой с револьвером.) Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и испуганно всхлипывает, косясь на револьвер. Сцена постепенно наполняется светом.

Треплев (*растроганный*). Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа томилась ужасно. (*Снимает с нее шляпу, тальму, шарфик. Нина покорно стоит.*) О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем, (*Вытирает слезы с ее лица. Нина вздрагивает от прикосновения.*)

Нина. Здесь есть кто-то?

Треплев. Никого.

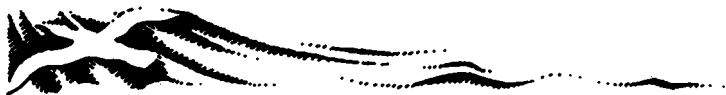
Нина. Заприте двери, а то войдут

Треплев. Никто не войдет.

Нина (*настойчиво*). Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Треплев (*запирает правую дверь на ключ, подходит к левой.*) Тут нет замка. Я заставлю крес-

лом. (*Ставит у двери кресло*). Не бойтесь, никто не войдет.

Нина (*пристально глядит ему в лицо*). Дайте я посмотрю на вас. (*Оглядываясь*.) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Треплев. Да... Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... (*Все больше раздражаясь*.) Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Нина (*осторожно*). Я... боялась, что вы меня ненавидите. (*Находится, говорит быстрее*.) Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. (*Отодвигается от него*.) Давайте сядем.

Садятся.

(*Щебечет*.) Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый

угол». *(Вздрагивает, сбивается с легкого тона.)*
Я — чайка... Нет, не то. *(Трет себе лоб.)* О чем
я? Тургенев... «И да поможет Господь всем беспри-
ютным скитальцам...» Ничего. *(Рыдает.)*

Треплев. Нина, вы опять... Нина!

Нина. Ничего, мне легче от этого... *(Берет себя в руки.)* Я уже два года не плакала. Вчера поздно ве-
чером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр.
А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после
двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Ви-
дите, я уже не плачу. *(Берет его за руку, в которой*
Треплев все еще сжимает револьвер, гладит.) Итак,
вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актри-
са... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я ра-
достно, по-детски — проснешься утром и запоешь;
любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано
утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а
в Ельце образованные купцы будут приставать с лю-
безностями. Груба жизнь!

Треплев *(рассеянно — он думает о своем)*.
Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора
ехать. *(Встает.)*

Треплев *(схватив ее за руку и насильно удер-*
живая — он уже не рассеян, а возбужден; говорит

все быстрее, а под конец почти иступленно). Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима — я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет.

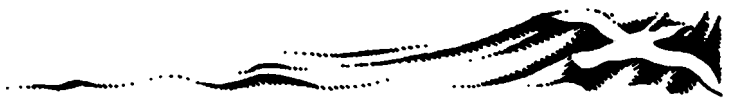
Она в ужасе вырывает руку и отскакивает. Он проворно опускается на колени и целует пол, где она только что стояла.

Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни...

Нина (*растерянно*). Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Треплев. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нина в панике быстро надевает шляпу и тальму, причем шарфик соскальзывает на пол.

Нина, зачем? Бога ради, Нина... *(В голосе угроза, поднимает руку с револьвером.)*

Пауза.

Нина *(дрожащим голосом)*. Лошади мои стоят у калитки. Не провожайте, я сама дойду... *(Не выдерживает, нервные слезы.)* Д-дайте воды...

Треплев *(дает ей напиток; он вновь перешел от возбуждения к отстраненной рассеянности, даже холодности)*. Вы куда теперь?

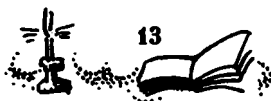
Нина *(стучит зубами о стакан)*. В город.

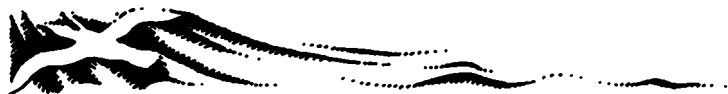
Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Треплев. Да... *(Недобро усмехается.)* В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Нина *(решительно отставляет стакан и, глубоко вздохнув, говорит поставленным, актерским голосом.)* Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. *(Картинно склоняется к столу.)* Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! *(Поднимает голову, следит за его реакцией.)* Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну да! *(Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислу-*

шивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.) Он здесь! (Возвращаясь к Треплеву.) Ну да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? (Показывает на чучело.) Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... (Трет себе лоб.) О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... (Торжественно, голос звенит.) Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. (Приближается, мягко отводит его руку

с револьвером, понижает голос.) Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

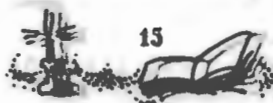
Треплев (*печально*). Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношуоь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

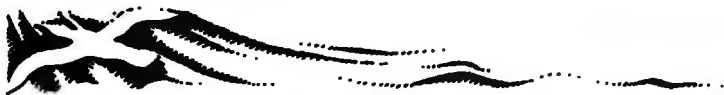
Нина (*прислушиваясь*). Тс-с... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (*Жмет ему руку.*) Уже поздно. Я еле на ногах стою... Я истощена, мне хочется есть...

Треплев (*оживившись*). Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Нина (*быстро*). Нет-нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... (*Порывисто.*) Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа. Люблю, люблю, страстно, до отчаяния люблю.

Опомнившись, в ужасе смотрит на Треплева. Его лицо искажено ненавистью, револьвер вновь поднят.

(С испуганной улыбкой.) Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?.. *(Моноotonно читает, словно убаюкивая.)* «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды, и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, утасди. Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...»

Треплев в такт кивает, глаза полузакрыты, рука с револьвером безвольно повисает. Нина медленно отступает к стеклянной двери и убегает.

Треплев *(после паузы; говорит и движется медленно, как автомат)*. Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму...

Содрогнувшись, трясется в беззвучном хохоте. Потом — в продолжение целых двух минут — рвет все свои рукописи на мелкие-мелкие кусочки и бросает на пол, возле стек-

думав. А Не

жогвди

панинэпугатни

пнүлэу бийаюмэ

панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

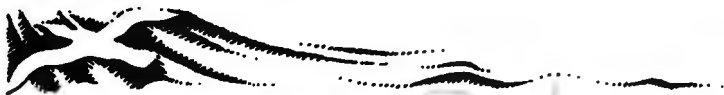
панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

панинэпугатни

лянной двери. Отпирает правую дверь и уходит, сжимая револьвер.

Свет на сцене меркнет, и остается лишь освещенный кружок близ лампы. Через полминуты доносится приглушенный треск грома, но зарницы нет. Еще через несколько секунд мимо стеклянной двери быстро проскальзывает чей-то силуэт. Опять грохочет гром, но теперь уже значительно сильнее. Яркая вспышка, порыв ветра распахивает дверь, полощется белая занавеска, с пола взлетают и кружатся мелкие клочки.

Дорн (*стараясь открыть левую дверь*). Странно. Дверь как будто заперта... (*Входит и ставит на место кресло.*) Скачки с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними слуга с бутылками и Маша, потом Шамраев и Тригорин.

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна (*слуге*). Сейчас же подавай и чай. (*Зажигает свечи, садится за ломберный стол. Слуга уходит.*)

Шамраев (*подводит Тригорина к чучелу чайки*). Вот вещь, о которой я давеча говорил... Ваш заказ.

Тригорин (*глядя на чайку*). Не помню! (*Подумав.*) Не помню!

Громкий хлопок; все вздрагивают.

Аркадина (*испуганно*). Что такое?

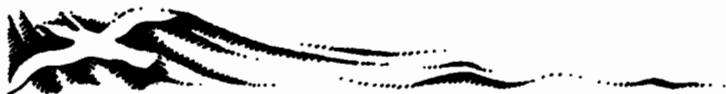
Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (*Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.*) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (*Напевает.*) «Я вновь пред тобою стою очарован...»

Аркадина (*сидя за стол*). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... (*Закрывает лицо руками.*) Даже в глазах потемнело...

Дорн (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (*берет Тригорина за талию и отводит к рампе*) так как я очень интересуюсь этим вопросом... (*Тоном ниже, вполголоса.*) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

Тригорин (*истощным голосом*). А-а-а-а!!! Нет! Не-е-ет!

Аркадина (*бросается к нему*). Боря, Боренька, что с тобой! Что он тебе сказал?!

Дорн (*оторопело*). Борис Алексеевич! (*Разводит руками.*)

Тригорин (*всхлипывая*). Он умер, умер! Я... этого не хотел! Клянусь!

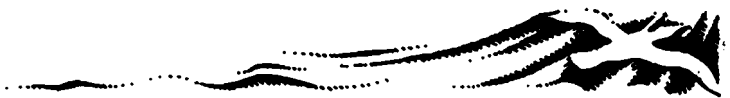
Аркадина (*обнимает его, гладит по лицу*). Кто умер? Успокойся, на тебе лица нет. Тебе вредно волноваться, ты потом писать не сможешь. (*Обернувшись к остальным.*) Борис Алексеевич такой впечатлительный.

Шамраев. В самом деле? Вот уж никогда бы не подумал.

Аркадина. Он весь погружен в себя, в творчество, но если его что-нибудь расстроит, потом долго мучается и не может писать. Успокойся, милый. На свете нет ничего такого, что стоило бы твоих слез.

Тригорин (*внезапно успокоившись, смотрит на нее со странным интересом*). Даже если это смерть твоего сына?

Аркадина (*вполголоса*). У меня есть только ты, только ты... (*Внезапно до нее доходит смысл слов Тригорина, она резко оборачивается к Дорну.*) Это правда? Так всё-таки?.. Он снова стрелялся, да?

Дорн. Да, и на сей раз, к сожалению, удачно. То есть, я хочу сказать, неудачно.

Всеобщее смятение. Маша некрасиво и громко кричит басом. Секунду спустя к ней присоединяется Аркадина — более мелодично. Поняв, что Машу ей не перекричать, грациозно и медленно падает. Шамраев и Дорн подхватывают ее на руки, стукнувшись при этом лбами.

Шамраев. Пardon.

Вбегает Медведенко. За ним, отчаянно крутя колеса, вкатывается на инвалидном кресле Сорин.

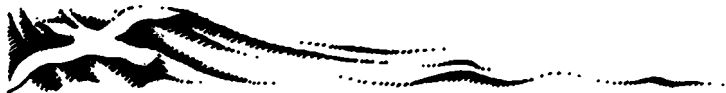
Сорин. Что? Что такое? Что-нибудь с Костей? Медведенко. Убили? Кого-нибудь убили?

Шамраев. Что ты несешь! Дурак! Константин Гаврилович застрелился.

Маша (*перестает кричать*). Евгений Сергеевич, дайте папиросу. (*Закуривает и говорит, отчетливо выговаривая каждое слово.*) Я — никогда — себе — этого — не — прощу. (*Отходит к окну и в дальнейшем стоит к залу спиной, обхватив себя за локти.*)

Полина Андреевна. Я знала, я знала, что этим закончится...

Аркадина (*она все еще на руках у Шамраева и Дорна*). Доктор, а может быть, он только ранен?

Ведь в прошлый раз лишь чуть-чуть пулей оцарапался. (*Поднимается.*)

Дорн (*махнув рукой*). Какой там. Прямо в ухо, и мозги по стенке.

Аркадина снова падает. Ее опять подхватывают.

Аркадина. Но... Но почему, зачем? Почему именно сегодня, когда я приехала! Это он нарочно дождался, чтобы мне досадить! Он всегда меня ненавидел.

Сорин (*всхлипывая*). Что ты, Ирочка, он так тебя любил. Ах, бедный, бедный...

Медведенко. Теперь уж лошадь точно не дадут. Ни сегодня, ни завтра. Придется идти шесть верст пешком, да еще под проливным дождем.

Аркадина (*выпрямляется, отталкивает Дорна и Шамраева, говорит трагическим голосом*). Я должна его видеть.

Тригорин (*он уже совершенно спокоен*). Не надо! Я схожу, а тебе не надо.

Дорн (*в сторону*). Ох уж эти писатели. Аще не вложу перста моего в язвы гвоздинные, не иму веру. А после вставит в роман.

Шамраев. Борис Алексеевич, я с вами. Выходят в правую дверь. Остальные ждут. Дорн наливает в стакан вина и пьет; Сорин, закрыв руками лицо, тихо

плачет; Аркадина скорбно смежила веки; Маша стоит у окна; Полина Андреевна с тревогой смотрит на дочь.

Медведенко (*робко приближается к Маше*). Машенька, я ведь понимаю. Но что ж теперь поделишься. Ты только не сделай над собой чего-нибудь. Ведь ребенок, Машенька...

Маша (*не повернув головы, с ненавистью*). Уйди, Медведенко! Моя жизнь кончена.

Полина Андреевна. Не трогай ее. Ты уходи. Домой уходи. Так лучше будет. Машенька, вот, выпей капель.

Медведенко (*отходит*). Так ведь дождь. Мне простужаться нельзя.

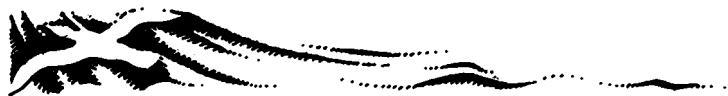
Возвращаются Шамраев и Тригорин. Первый выглядит деловитым и озабоченным. Второй явно потрясен. Покачнувшись, хватается рукой за дверной косяк. К Тригорину кидается Аркадина.

Тригорин. Голова закружилась. Сейчас... сейчас пройдет.

Аркадина. Тебе не нужно было туда ходить. Ну что он?

Тригорин (*вяло*). Лежит на зеленом ковре. И всюду кровь...

Шамраев (*видит, что Дорн пьет вино, и тоже наливает себе*). Да, судьба-индейка. Какого, спрашивается, рожна нужно было? Мечтал стать писателем. Стал. Вот и деньги стали из журналов присылать. Теперь, поди, и вовсе в моду войдет. Самоубийство — это романтично. Книжки станут хорошо продаваться. И ведь всё вам, голубушка Ирина Николаевна, вы — единственная наследница.

Аркадина. Оставьте, как вы можете в такую минуту... (*Смотрит на закрытую дверь.*) Это, должно быть, невыносимо — красное на зеленом. Почему ему непременно нужно было стреляться на зеленом ковре? Всю жизнь — претенциозность и безвкусие.

Шамраев. Ковер, между прочим, персидский, тончайшей работы. Можно сказать, единственная ценная вещь в доме. А кровь потом не отмоешь. Евгений Сергеевич, перевязать бы, что ли? А то его и на стол не положишь — стекать будет.

Дорн. Странное занятие — бинтовать покойника. Ну да мне доводилось делать вещи и почуднее. (*Выходит в соседнюю комнату, напевая: «Бедный конь в поле пал».*)

Шамраев. Вот и поужинали. Не нужно было Константина Гавриловича одного оставлять.

Аркадина. Но кто мог предположить. Он был так тих, спокоен... Ах, у меня было предчувствие. Ты помнишь, Борис, я тебе сказала: «Поездка будет печальной»? Сердце, сердце подсказало.

Тригорин. Разве оно могло подсказать тебе что-то другое, если в телеграмме было сказано: «Петр Николаевич совсем плох. Скорее приезжайте»?

Сорин. Ехали хоронить старого, а схороните молодого. *(Плачет.)* Ну ничего. Милостив Господь. Авось и меня приберет, чтоб тебе, Ирочка, во второй раз не утруждаться. Похоронишь за раз обоих.

Возвращается Дорн. У него закатаны рукава. Вид озадаченный. Молча стоит в дверях, поочередно смотрит на остальных, как будто видит каждого впервые.

Шамраев. Ну что, забинтовали? Звать работников, чтоб клали на стол?

Дорн. Нет.

Шамраев. Что «нет»? Не забинтовали или не звать?

Дорн. Ни то, ни другое.

Шамраев. Как так?

Аркадина. Доктор, у вас такой вид, будто вы хотите сообщить какую-то новость и не решаете

тесъ. Грворите, что уж может быть страшнее случившегося.

Дорн. Вот именно — сообщить. Собственно, даже не одну новость, а две...

Шамраев. А все-таки позвольте я распоряжусь на стол положить. Как-то не по-христиански. Мы тут разговариваем, а он там на полу лежит. Да и ковер надо поскорее крахмалом присыпать. А после холодной водой. (*Хочет идти.*)

Дорн (*властно*). Пусть лежит, как лежит. И входить больше не нужно. Посылайте за исправником, Илья Афанасьевич. Господин Треплев не застрелился. Это вам первая новость...

Маша (*обернувшись, хрипло*). Жив?!

Аркадина хватается рукой за сердце. Тригорин ошеломленно качает головой. Медведенко нервно поправляет очки. Сорин распрямляется в кресле. Полина Андреевна роняет пузырек с каплями. Шамраев крестится.

Аркадина. А как же мозги на стенке?

Дорн. Константин Гаврилович мертв. Только он не застрелился. Его убили.

Все застывают в полной неподвижности. Становится очень тихо.

В прошлый раз у меня не было времени как следует рассмотреть рану — боялся, что Ирина Николаевна войдет. Увидел только, что Константин Гаврилович безусловно и недвусмысленно мертв. А теперь повернул лампу, приподнял ему голову и вижу — выходное-то отверстие через левый глаз. Сначала подумал только: в закрытом гробу хоронить придется. А потом как ударило — кто ж этак стреляется, чтоб пуля в правое ухо вошла да через левый глаз вышла. И револьвер длинноствольный, «смит-вессон». Так и руку не вывернешь. Нет, господа, тут явное убийство, довольно неуклюже замаскированное под самоубийство. Это ясно и без полиции... *(Все по-прежнему совершенно неподвижны и только следят глазами за Дорном, медленно расхаживающим по сцене.)* Я полагаю, было так, Константин Гаврилович стоял у двери, ведущей на террасу — точно такой же, как вот эта. Кто-то вошел. Взял с секретера револьвер, который зачем-то лежал там поверх бумаг — на листке осталось едва различимое, но свежее пятно оружейного масла. Потом этот кто-то преспокойно — впрочем, может быть, очень даже и беспокойно, но это неважно, — дождался, пока Константин Гаврилович отвернет-

ся, взял револьвер, взвел курок, вставил ствол в ухо и выстрелил.

Полина Андреевна (*сердобольно*). Ох!

Маша снова резко отворачивается. Шамраев снова крестится. Медведенко снимает и надевает очки. Тригорин приставляет себе палец к правому уху и поворачивает то так, то этак. Сорин откатывается на кресле подальше от всех.

Аркадина. «И сок проклятой белены в отверстие уха влил...»

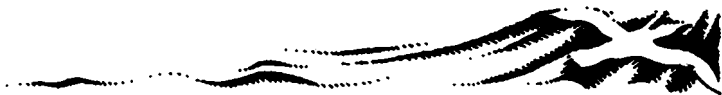
Сорин. Но позвольте, если так, то получается, что Костеньку убили почти что у нас на глазах! Убийца где-то здесь, совсем близко! Он не мог уйти далеко!

Дорн (*пожав плечами*). А зачем ему было уходить? Константина Гавриловича застрелил кто-то из своих, кого он хорошо знал и чьему появлению, судя по всему, нисколько не удивился.

Повторяется стоп-кадр, только теперь он короче.

Аркадина. Но почти все были в этой комнате! И мы с Борисом Алексеевичем, и вы, и Илья Афанасьевич с Полиной Андреевной, и Марья Ильинична. Кого здесь не было? (*Оглядывается.*) Брат остался дремать в столовой, но он очень слаб и без посторон-

ней помощи пройти до террасы не мог. Остается только (*поворачивается к Медведенке и не может вспомнить его фамилию*)... господин учитель.

Все смотрят на Медведенку.

Медведенко. Господа, господа, клянусь вам... Я сидел в буфетной, пил чай. Потом услышал крик Маши... Нет-нет, разве я бы... (*Сбивается.*)

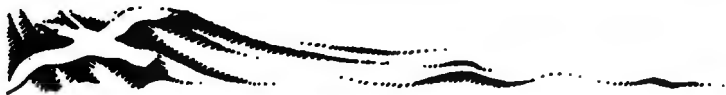
Дорн. М-да. Я, собственно, не успел сообщить вам вторую новость. Открыл саквояж, чтобы взять бинт, и вдруг вижу: склянка с эфиром и в самом деле лопнула, причем совсем недавно.

Шамраев. Ну и что?

Дорн. А то, драгоценный Илья Афанасьевич, что треск, который мы тут с вами слышали, был вовсе не выстрелом, а взрывом эфира. Из-за неплотно закрытой крышечки в склянку проник воздух, образовалась взрывчатая перекисная смесь и ба-бах! Если поддержать склянку с эфиром над свечкой, а после не закрыть как следует, то непременно хряпнет. У меня такое уже бывало — пьяный фельдшер плохо заснул пробку, а пузырек нагрелся на солнце.

Шамраев. Погодите, голова кругом. Но раз Константин Гаврилович застрелен, значит, выстрел-то все-таки был?

Дорн. Был. Однако несколькими минутами ранее, когда в этой комнате никого из нас еще не было. Мы уже отужинали, и все — или почти все — разбрелись по дому.

Тригорин. То есть вы хотите сказать...

Дорн (*чеканно*). Что Константина Гавриловича мог убить любой из нас.

Все приходят в движение.

Разумеется, исключительно теоретически.

Шамраев. Ну вас с вашими теориями! Это что-то не по-русски. Сразу видно, что вы немец!

Полина Андреевна. Как ты можешь так разговаривать с Евгением Сергеевичем! Если бы не его открытие, единственным подозреваемым был бы твой зять.

Дорн. Спасибо на добром слове, Полина Андреевна. Что же до немецчества, то я не в большей степени немец, чем вы, Илья Афанасьевич, татарин. Мои предки, фон Дорны, переехали в Россию еще при Алексее Михайловиче, очень быстро обрусели и ужасно расплодились. Одни превратились в Фандорновых, другие в Фандориных, наша же ветвь усеклась просто до Дорнов. Но это из области истории и к делу не относится. У нас с вами тут совсем

другая история, и пренеприятная. Хорошо бы поскорей в ней разобраться, желательно еще до прибытия полиции. Не то выйдет скверно. Затаскают по допросам, убийцу, разумеется, не найдут, и на каждом из нас до окончания дней останется пятно — а ну как именно он-то и убил. Вы наших соседей знаете. А я врач. Кому нужен врач-убийца? Этак всю практику растеряю. На что жить прикажете?

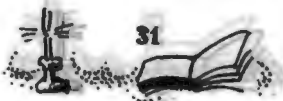
Аркадина. Ну, на всех подозрение не падет, я — мать.

Сорин. А я любил Костю, как родного сына. Никто не любил его, как я. *(Испуганно оглядывается на Аркадину и виновато опускает голову.)*

Маша *(порернувшись)*. Никто не любил Костю, как вы? Да что вы знаете про любовь? *(Неприятно смеется и снова отворачивается.)*

Медведенко *(коспешно)*. А я всегда относился к Константину Гавриловичу с глубочайшим уважением. Он у нашего сыночка крестным был!

Шамраев. Он вырос у нас с Полиной на глазах! Мы жизнь положили на то, чтобы Константин Гаврилович и Петр Николаевич жили покойно и ни в чем не знали нужды! Нет уж, на нас ваши теории не распространяйте!

Тригорин. А я с какой стати я стал бы убивать сына моего единственного и драгоценного друга Ирины Николаевны? Напротив, я всегда желал мальчику добра.

Дорн (*иронически кланяется*). Мерси, получается, что кроме меня убивать Константина Гавриловича было решительно некому — все прочие его нежно любили. Про себя этого сказать не могу. На мой непросвещенный взгляд, покойник был не без литературных способностей, но, хотя о мертвых аут бене аут нихиль, характер у него был дрянь. Капризный, эгоистичный, жестокий мальчишка. Признаюсь, он мне совсем не нравился. Что за охота в двадцать семь лет жить одной жалостью к себе и при этом до такой степени презирать окружающий мир? Впрочем, прошу не трактовать мои слова как признание в преступлении. Согласитесь, что в качестве мотива для убийства вялой неприязни маловато. Я единственный из присутствующих, кого не связывали с Константином Гавриловичем никакие личные отношения. Вместе с тем я уже много лет наблюдаю за жизнью усадьбы и ее обитателей и, смею думать, разбираюсь в здешнем психологическом ландшафте лучше, чем полиция. Посему предлагаю себя в качестве следовате-

ля. Если, конечно, никто не возражает. Или вы предпочитаете, чтобы разбирательством занялась полиция?

Пауза

Тригорин. Пожалуй, и в самом деле лучше покончить с этим до прибытия полиции. Начнется волокита, а мне нужно заканчивать повесть. (*Про себя.*) Работать, уйти в работу...

Полина Андреевна. Да-да, доверимся Евгению Сергеевичу. Вы с вашим математическим умом сумеете разъяснить этот кошмар.

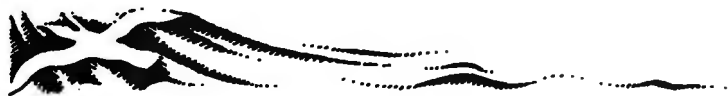
Аркадина. Боже, Боже. И я, мать, только что лишившаяся единственного, бесконечно любимого сына, должна участвовать в этом фарсе! Увольте, господа. Дайте мне побыть наедине с моим горем. (*Царственно встает.*) Борис, отведи меня в какой-нибудь удаленный уголок, где я могла бы завывать, как раненая волчица.

Дорн. Ирина Николаевна, поиск убийцы бесконечно любимого сына для вас — фарс?

Тригорин (*умоляюще*). Он прав, Ирина. Прошу тебя, останемся.

Часы бьют девять раз.

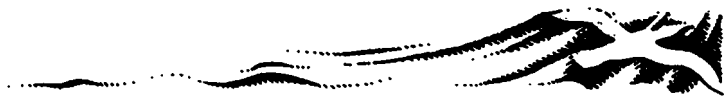

Дорн (*сверяет по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. (*Вздыхает.*) Давайте разбираться.

Свет гаснет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дубль 1

Часы бьют девять раз.

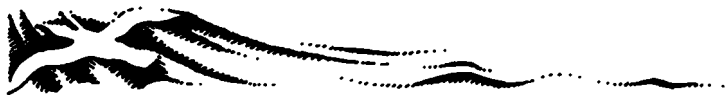
Дорн (*сверяет по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. (*Вздыхает.*) Давайте разбираться.

Вспышка молнии озаряет проем двери, ведущей на террасу, и виден чей-то силуэт.

Полина Андреевна. Смотрите, кто это?

Дорн (*оборачивается и вглядывается*). Если не ошибаюсь, это госпожа Заречная. Здравствуйте, Нина Михайловна. Сколько лет, сколько зим.

Аркадина (*резко*). Зачем она здесь? Зачем она пришла? В такую минуту! У нее нет ничего святого!

Нина (*неотрывно смотрит на Тригорина*). Совсем такой же, нисколько не переменился... (*Очнувшись.*) Я проезжала мимо. Сильный дождь... Размыло дорогу, коляска не может дальше ехать. Видите, я вся вымокла. Настоящий потоп... Я знаю, Ирина Николаевна, что мой вид вам неприятен, но не выгоните же вы меня в такую непогоду. «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам...»

Сорин (*пытается приподняться*). Господи, Нина Михайловна, милая, что вы такое говорите! Вы моя гостья, драгоценная гостья. Да на вас сухой нитки нет! Долго ли простудиться. Вот, возьмите мой плед.

Тригорин (*равнодушно*). Здравствуйте, Нина Михайловна.

Дорн. Выходит, я ошибался. Вот теперь действительно все участники драмы на месте.

Пауза. Нина удивленно оглядывает присутствующих.

Нина. Что-то случилось? Почему у вас такие лица? Вы что, говорили обо мне?

Аркадина. Ну и самомнение. (*Дрогнувшим голосом.*) Кости больше нет. (*Оборачивается к правой двери.*) Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Нина (*схватившись за сердце, пронзительно вскрикивает, как раненая птица — она актриса явно не хуже Аркадиной*). Что такое?! Костя! В какой страшный миг я сюда вернулась! Будто чуяло мое сердце! Бедный, бедный! На нем всегда была тень несчастья. (*Плачет.*) Почему, почему я не пришла вчера, позавчера, третьего дня! Я столько раз проходила, проезжала мимо, сердце мое чувствовало, откликалось... Но я боялась, что он оттолкнет, прогонит меня... Он... он снова стрелялся? Я угадала?

Дорн (*сурово*). Не совсем, Нина Михайловна. Константина Гавриловича убили!

Нина (с растерянной улыбкой, возникшей как бы помимо воли). Как убили? Что значит убили? Я помню, Евгений Сергеевич, вы любите брагировать цинизмом, но время ли сейчас для шуток! Петр Николаевич, милый, что он говорит?

Сорин (всхлипывает). Да, да, это правда. Кто-то стрелял Косте в ухо и расколол голову, и выбил глаз. Костя лежит в той комнате, на полу, и его даже нельзя положить на стол, потому что приедет полиция и будет искать следы.

Нина (в ужасе оглядывается на правую дверь). Сердце, нужно слушаться сердца... Почему я не пришла раньше!

Закрыв рукой лицо и неверно ступая, проходит по комнате. Возле письменного стола вдруг, покачнувшись, оседает на пол. Тригорин и Шамраев бросаются к ней, и даже Сорин с неожиданной легкостью поднимается из кресла, но, впрочем, тут же снова садится.

Дорн (громовым голосом), Назад! (В несколько прыжков пересекает комнату, нагибается над лежащей и поднимает из-под подола ее платья шарфик, ранее оброненный Заречной.) Сухой! Bravo, Нина Михайловна, вы и в самом деле стали выдающейся актрисой! Теперь понятно, зачем вы сюда вернулись.

Аркадина. Что значит «вернулась»? Так она здесь уже была?

Дорн. Поднимайтесь, Нина Михайловна, сцена обморока окончена. (*Подает Нине руку. Нина лежит, смотрит на него, но не встает.*) Разумеется, она здесь была и обронила шарфик. Видите, платье и тальма совершенно мокрые, а шарфик сухой. Обронила, когда была здесь, дождь полил уже после. Задумано и разыграно превосходно. Сейчас мы все бросились бы хлопотать над несчастной барышней, привели бы ее в чувство, и она поднялась бы на ноги. Падала без шарфика, поднялась с шарфиком — поди-ка заметь. И улика бы исчезла.

Тригорин. Улика?

Дорн (*смотрит сверху вниз на Нину*). Со склянкой эфира у вас вышло ловко. Только вот рука при выстреле дрогнула — слишком револьвер перекосили. Ну же, поднимайтесь. Что вы лежите, как утопившаяся Офелия. Ничего не поделаешь, милая, теперь придется ответ держать. Зачем же вы так с Константином Гавриловичем? Он-то в чем перед вами провинился? (*Искоса бросает взгляд на Тригорина.*)

Нина (*не коснувшись протянутой руки Дорна, поднимается с грацией гимнастки*). Холодно. зуб на зуб не попадает... Да, я была здесь. И стреляла тоже я.

Аркадина (*изумленно*). Вы?! Но зачем?

Нина (*горько усмехнувшись*). Сделала то, на что никогда не решились бы вы. Выполнила вашу работу — кажется, это так называется. У нас ведь с вами, Ирина Николаевна, в жизни один интерес... (*Кивает на Тригорина.*) Я узнала, что вы должны приехать. Не сомневалась, что вы непременно притащите с собой Бориса. Ты ведь, Боренька, в совершеннейшую болонку при Ирине Николаевне превратился. Как у Чехова — «Дама с собачкой».

Аркадина. Сумасшедшая! Убийца! Борис, не слушай ее!

Нина (*смотрит не на нее, а на Тригорина, хоть и обращается к Дорну*). Я получала от Кости письма и знала, что он совершенно спятил, он помешался на ненависти к Борису Алексеевичу. Я ходила вокруг дома кругами, ждала. И вот сегодня вы наконец приехали. Я была здесь какой-нибудь час назад. (*Оглядывается на часы.*) Меньше. Дождалась, пока Костя останется один, и вошла — через эту вот дверь. Решила проверить, действительно ли он настолько безумен. Оказалось, еще безуменее, чем я думала. Он не выпускал из рук револьвера, вел себя дико, взрывы ярости сменялись холодной рассеянностью, которая пугала меня еще больше, чем неистовство. Я попробовала

смягчить, успокоить его, но мои нервы расстроены... Я сорвалась, само собой выплеснулось про... про мои чувства к Борису. Боже, как я испугалась! Ведь я сама подписала Борису Алексеевичу смертный приговор! Не помня себя, выбежала в сад и стою, будто приросла к земле... *(От волнения не может говорить дальше.)*

Д о р н. И снова стали смотреть снаружи на освещенное окно. А когда Константин Гаврилович вышел в соседнюю комнату, вы тоже вошли туда — с террасы. Должно быть, еще сами не знали, что намерены сделать.

Н и н а *(опустив голову)*. Нет, знала... Я готова была на то, чтобы... Чтобы *(едва слышно)* отдаться Косте... Лишь бы отвлечь его от мысли об убийстве, лишь бы спасти Бориса... Мы стояли у стеклянной двери. Он взял меня за плечи, стал целовать в шею, и вдруг я почувствовала, что не вынесу, что это выше моих сил. Вижу — на секретере револьвер. Лежит и поблескивает в свете лампы. Это было как символ, как знак свыше... Я прошептала: «Погасите лампу!» А когда он отвернулся, схватила револьвер, взвела курок... Я умею стрелять. Меня офицеры научили — в прошлом году, когда я гастролировала в Пятигорске... Ах, это неважно. *(Оглядывается на чучело чайки, бормочет.)* Я чайка... Я чайка... *(Медленно выходит на террасу и стоит там. Шум дождя слышен сильнее.)*

Аркадина (*Тригорину*). Не смотри ты на нее так. Вся эта сцена была сыграна, чтобы тебя разжалобить — уж можешь мне поверить, я эти фокусы отлично понимаю. Жалеть ее нечего. Разыграет перед присяжными эту самую вот чайку, и оправдают. Даже на уловку с эфиром сквозь пальцы посмотрят. А что ж — молода, смазлива, влюблена. Такого рекламу себе сделает на этой истории! Позавидовать можно. И ангажемент хороший получит. Публика будет на спектакли валом валить.

Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

(К концу этой картины, как и всех последующих, кроме самой последней, все актеры должны оказаться на тех же местах, где были в начале картины.)

Дубль 2

Часы бьют девять раз. Свет зажигается вновь.

Дорн (*сверкает по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться.

Шамраев. А как разбираться-то? Если кто убил, то сам ведь не признается.

Дорн. Для того, любезнейший Илья Афанасьевич, человеку и дана лобная часть коры головного мозга, где, согласно новейшим научным гипотезам, сосредоточена вся мыслительная деятельность. Кроме того, мы располагаем двумя древними как мир сыскными рекомендациями: Cui prodest и Cherchez la femme. Рекомендации препошлые, но от того не менее верные — почти все убийства именно из-за этих двух причин и совершаются.

Медведенко. Про «шерше ля фам» я помню, что это значит. А первое вот запомнил. Это полатыни?

Шамраев (*резко*). Не знаешь, так молчи, не срамись. Cui prodest — значит «ищи, кому выгода». А еще учитель! Зачем ты вообще ночевать остался? Шел бы домой.

Медведенко. Так ведь вы, папаша, лошадь не дали. Сказали, только со станции приехали, не гонять же опять.

Шамраев. И, что с того, что не дал. Шесть верст — не околица, не рассыпался бы. Послушал бы меня, ушел бы — не угодил бы в этукую историю.

Медведенко. Гроза началась, ливень... Так и простудиться недолго. Здоровье у меня некрепкое. Прошлую зиму вон два месяца кашлял. А умирать

мне никак невозможно. Ну, Маше с ребенком вы, конечно, пропасть не дадите, но у меня ведь еще мать, две сестренки, братишка. Кроме меня кому они нужны?

Маша (*оборачивается, зло затягиваясь папиросой*). Знаем. Тысячу раз слышали, почему тебе нельзя умирать. Да ты ведь, кажется, и не умер. Умер Константин Гаврилович. (*Заходится кашлем, никак не может остановиться, кашель переходит в сдавленное рыдание. Мать хлопает ее по спине, потом обнимает, обе плачут.*)

Медведенко (*жалобно Тригорину*). Ну вот, опять не так сказал. Теперь долго поминать будут.

Тригорин. Страдательный залог — самая угнетенная из глагольных форм, и сама в том виновата. Вам бы полегче быть, повеселее. А то вы всё жалуетесь — и два года назад, и теперь. Женщины этого не любят.

Медведенко. Хорошо вам говорить. Вы богатый человек, знаменитый писатель, а у меня мать, две сестренки...

Маша. Заткнись! Мама, пусть он уйдет! Я видеть его не могу! Особенно теперь, когда, когда... (*Не может продолжать и тычет пальцем в закрытую дверь, за которой лежит тело Треплева.*)

Дорн (*задумчиво*). Ну, насчет Cui prodest — сомнительно. У Треплева за душой ни гроша не было. Стало быть, остается «шерше».

Аркадина. Костя был влюблен в Заречную, это всем известно.

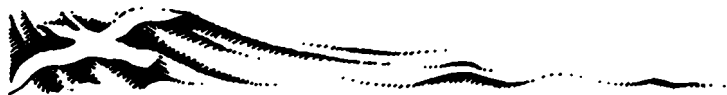
Дорн. Не вижу здесь мотива для убийства. Разве что кто-то другой, тоже влюбленный в Заречную, застрелил соперника из ревности? Например, вы, Петр Николаевич. Вы ведь, кажется, к Нине Михайловне были неравнодушны?

Сорин. Нашли время шутить.

Дорн. М-да, нет логики. Убивают счастливых соперников, а Константин Гаврилович, кажется, успехами на сем поприще похвастаться не мог. Значит, дело не в Заречной. Но ведь тут, по-моему, имелась и иная любовная линия? (*Поворачивается к Маше.*) Прошу прощения, Марья Ильинична, но сейчас не до деликатностей, да вы, по-моему, не очень-то и скрывали свою сердечную привязанность к Константину Гавриловичу.

Маша (*вздвигнув, после паузы*). Да, любила. Все знают, и он знает (*презрительный кивок в сторону Медведевки*). И всегда буду любить.

Полина Андреевна. Что ты говоришь! Зачем? Любить люби, но зачем говорить!

Шамраев. Сама виновата, что вышла за это ничтожество. Мы с матерью тебе говорили. Нужно было уехать в Тверь, я же подыскал тебе отличное место гувернантки — в хорошем доме, двадцать пять рублей на всем готовом!

Медведенко (*Тригорину жалобно*). Это про меня — «ничтожество». В моем присутствии. И всегда так.

Аркадина (*недовольна тем, что разговор сосредоточен не на ней*). Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Почтительная пауза.

Дорн. Скажите-ка, как вас, Семен Семенович, вы ведь, кажется, примерный отец? Помнится, вы собирались идти домой пешком, невзирая на шесть

составом до
всех лет

начался

Полюс

водоу

и хо

рл

маж

крепко

Имя

каждого

жизни

нее. С. С. С.

Важнейшим

му теор

«М

пра

полюс

чаша

ся, одной

миллион

миллион
миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

миллион

верст и непогоду? Я слышал, как вы об этом говорили какой-нибудь час назад. Отчего же все-таки остались? (*Подходит к Медведенке и смотрит на него в упор.*)

Медведенко (*делая шаг назад*). Гроза... Погромыхивать стало. Мне простужаться нельзя... Здоровье слабое.

Дорн (*задумчиво*). Шерше ля фам, шерше ля фам... Да не случилось ли чего, из-за чего вы уходить передумали?

Медведенко. Ничего. Только вот тучи и гром.

Полина Андреевна (*хватается за сердце*). Господи, неужто... Это ты, ты был! Я-то, помню, подумала — с чего бы сквозняку взяться. А это не сквозняк, это ты в шелку!

Дорн (*быстро*). Какая шелка? Какой сквозняк?

Полина Андреевна. Подслушивал!

Медведенко машет руками, пятится.

Дорн. Подслушивал? Что подслушивал? С кем был разговор? О чем?

Маша. Мама, не вадумай!

Полина Андреевна (*страстно*). Нет, я расскажу! Я просила Константина Гавриловича... быть с Машей поласковее. Знаю, матери о таком просить

стыдно, но ведь сердце разрывается! А он *(показывает на Медведенку)*, он подслушал!

Шамраев *(грозно)*. Поласковее? Ты... ты сводничала?!

Полина Андреевна. Ты ничего не видишь вокруг себя! Тебя интересуют только овсы, сенокос и хомуты! Твоя дочь страдает, гибнет, а ты...

Дорн. Тихо! *(Полина Андреевна послушно умолкает на полуслове. Дорн подходит к Медведенке и крепко берет его за плечи, тот мотает головой.)* Итак, Семен Семенович, вы подслушали, как ваша теща уговаривает Треплева быть поласковее с вашей женой, и после этого передумали возвращаться домой. Кажется, у вас нашлось другое дело, поинтереснее. *(Смотрит на Медведенку с любопытством.)* Вот уж воистину «и возмутятся смиренные». Всякому терпению есть мера, а?

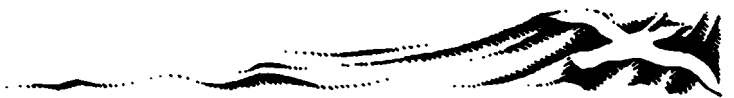
Медведенко *(рывком высвобождается, расправляет плечи, говорит громко)*. Да, Евгений Сергеевич, да! Возмутятся смиренные, потому что и у чаши смирения есть своя кромка. Когда переполнится, одной малой капельки бывает довольно. Живешь-живешь, терпишь-терпишь. Всё видишь, всё понимаешь, а надежда нашептывает: подожди еще, потерпи еще, воздал же Господь Иову многостра-

дальному. Где вам, баловню судьбы, женскому любимцу, понять, каково это — быть самым что ни на есть распоследним человеком на свете! Говорят, у каждой твари своя цена есть. Я всегда знал, что моя цена небольшая — примерно в двугривенный, а сегодня мне и вовсе глаза открыли. Не двугривенный, не алтын даже, и не полушка, а нуль, круглый нуль — вот цена Семена Медведенки. Если б ставили хоть в полушку, так дали бы лошадь — только уезжай, не путайся под ногами, не мешай разврату. А тут даже этой малости не удостоили — уйдешь, козявка, и собственными ногами. Этот барчук, этот бездельник (*тычет пальцем в правую дверь*) растоптал мне жизнь! Казалось бы, стал модным писателем, деньги тебе из журналов шлют, так уезжай в столицы, блистай. Нет, сидит, как ворон над добычей. Губит, топчет, сводит с ума. А Машенька и сошла с ума. Смотреть на это сил нет! И пьет, много пьет. Ребеночка забросила. Я ведь не убивать хотел, хотел попросить только по-человечески — чтоб уехал, пожалел нас. Для того и пришел — наедине поговорить. А он на меня как на грязь какую посмотрел, пробормотал что-то по-французски, зная, что я не пойму, и отвернулся. Тут на меня будто затмение нашло. Схватил со шкафчика револьвер...

Как дым рассеялся, думаю: нельзя мне на каторгу. Никак нельзя. Господи, молюсь, спаси, избави! Вдруг на глаза ваш саквояж попался. Думаю, там бинты, йод. Что если Константин Гаврилович жив еще? Открываю, вижу склянка и написано «Эфир». И вспомнил про кислород, про нагревание — читал в учительской газете. Еще слово вспомнил французское — «алиби». Вот тебе и алиби. Господи, что теперь с ребеночком-то будет... (*Закрывает руками лицо, глухо, неумело рыдает.*)

Шамраев (*вполголоса*). Положим, слово не французское, а латинское.

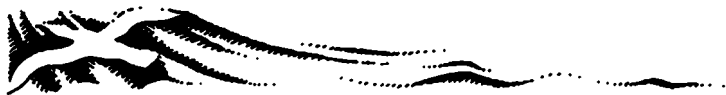
Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

Дубль 3

Часы бьют девять раз.

Дорн (*сверяет по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться. Итак, кто-то вошел с террасы в комнату, мирно поговорил о чем-

то с Константином Гавриловичем, потом взял с секретера револьвер, вышиб собеседнику мозги, подогрел на свечке склянку с эфиром и удалился. При постепенном соединении с воздухом нагретый эфир взрывается через пять-шесть минут. Для того чтобы обеспечить себе алиби, в момент взрыва убийца должен был непременно находиться здесь, в гостиной, причем в присутствии свидетелей. Иначе уловка утратила бы всякий смысл. Давайте-ка припомним, кто предложил перебраться из столовой в гостиную.

Тригорин (*пожав плечами*). Никто. Мы просто закончили пить чай и решили продолжить игру в лото.

Аркадина. Нет-нет! Я рассказывала, как меня принимала публика в Харькове, а Марья Ильинична вдруг перебила и говорит: «Как здесь душно. Идемте в гостиную». Впрочем, всё это пустое и глупости... Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я

была но-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Дорн. Хм, а ведь верно. Это Марья Ильинична увела нас из столовой.

Все поворачиваются к Маше, которая стоит спиной к зрителям у окна и курит.

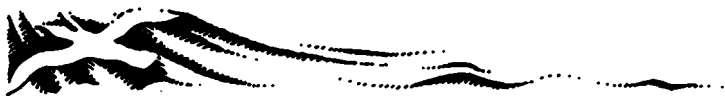
И еще, Марья Ильинична, вы зачем-то попросили меня открыть дверь. *(Показывает на дверь, что была загорожена креслом.)* Я, помню, удивился — вроде бы ампула беспомощной барышни не по вашей части. Или вы знали, что дверь заставлена креслом? Если так, то откуда вам это было известно? Как и все мы, вы отлучались из столовой. Не могли бы вы объяснить, куда и по каким делам?

Пауза. Маша будто не слышала.

Марья Ильинична, извольте ответить.

Маша *(произносит монолог, не оборачиваясь, ровным и вялым голосом)*. Пошла посмотреть, где он и что делает. Я часто за ним подглядываю. То есть подглядывала. Папа называет меня душой, а я очень хитрая. Бывало, стою на террасе у окна и смотрю, как Константин Гаврилович пишет, или просто си-

дит, глядя на огонь, или мечется по комнате, ероша волосы. Войти боялась — он сердится, когда я к нему вхожу. То есть сердился. Я его раздражаю. То есть раздражала...

Д о р н. Не отвлекайтесь вы на грамматику. Продолжайте.

М а ш а. Он был здесь, и с ним была Заречная. Она всё повторяла: «Я чайка, я чайка». Ах как он на нее смотрел! Если бы он когда-нибудь, хоть один-единственный разок посмотрел так на меня, мне хватило бы на всю жизнь. Я бы все вспоминала этот взгляд и была бы счастлива... Это не Заречная — чайка, это я — чайка. Константин Гаврилович подстрелил меня просто так, ни для чего, чтоб не летала над ним глупая черноголовая птица! (*Резко оборачивается, стоит, обхватив локти.*) Жизнь моя ужасна. Я живу в бревенчатой избе, с мужем, которого не люблю и не уважаю. Его многочисленное семейство меня боится и ненавидит. А этот ребенок! Я его не хотела, я не испытываю к нему совершенно никаких чувств кроме досады и раздражения! Зачем он кричит по ночам, зачем требует молока, зачем пачкает пеленки! А ведь я могла бы жить иначе. Я могла бы уехать, заняться каким-нибудь делом или хотя бы просто додремать до старости. Но Костя

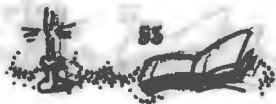

привязал, околдовал, отравил меня... Какой он был красивый! Только я это видела, больше никто. В последнее время мне стало казаться, что он поглядывает на меня по-другому. Нет, не с любовью, не с нежностью — я не настолько слепа. Но он мужчина, ему нужна женщина, а кроме меня около него никого не было...

Полина Андреевна. Что ты говоришь! Опомнись!

Шамраев. Бесстыжая тварь! *(Бросается к дочери, но Дора крепко берет его за локоть и останавливает.)*

Маша *(словно никто ее не прерывал)*. Я думала, рано или поздно он будет мой. Но тут появилась она и снова вскружила ему голову. О, она актриса, она отлично умеет это делать. И ведь ей он даже не нужен — она просто упражнялась в своем искусстве... Я стояла за окном и думала: довольно, довольно. Даже чайка, если ее долго истязать, наверное, ударит клювом. Вот и я клюну его в темя, или в высокий, чистый лоб, или в висок, на котором подрагивает голубая жилка. Я готова была смотреть на эту жилку часами... Освобожусь, думала я. Избавлюсь от наваждения. И тогда можно будет уехать. Уехать... Уехать...

Медведенко. Маша, ты не в себе. Ты на себя наговариваешь.

Шамраев (*громовым голосом*). Молчи, жалкий человек! А ты, мать, рыдай. Наша дочь — убийца! Горе, какое горе!

Аркадина (*Тригорину, вполголоса*). Теперь «благородного отца» так уже не играют, разве что где-нибудь в Череповце.

Тригорин (*оживленно*). Потому что вот это (*показывает*) не театр, а жизнь. Я давно замечал, что люди ведут себя гораздо естественней, когда приносятся. Вот о чем написать бы.

Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

Дубль 4

Часы бьют девять раз.

Дорн (*сверкает по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться.

Проходится по сцене, заложив руки за спину. В задумчивости подбрасывает носком ботинка разбросанные клочки рукописи.

Полина Андреевна. Снова рукописи рвал. (Аркадиной.) Это с Костей часто бывало — рассердится, что плохо пишется, и давай рвать мелко-мелко. После прислуга откуда только эти клочки не выметает. (Всхлипывает.) Теперь уж в последний раз... И у кого только на нашего Костеньку рука поднялась? (Опускается на корточки, начинает собирать обрывки.) Надо бы склеить. Вдруг что-нибудь великое?

Аркадина. Вряд ли. Откуда ж великому взяться? Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Полина Андреевна (перебивает). Чей это шарфик? Ирина Николаевна, вац? У нас с Машей такого нет.

Аркадина (подходит). Это креплизетовый, и расцветка вульгарная. Я этакую безвкусицу не ношу.

Полина Андреевна. Откуда бы ему взяться?

Подходит Дорн, берет шарфик, рассматривает, сосредоточенно напевая «Расскажи, расскажи, бродяга, чей ты родом, откуда ты». Приближаются остальные, тоже смотрят.

Шамраев: Странно. Очень странно.

Полина Андреевна. Видно, кто-то приходил, пока нас здесь не было.

Дорн (*качает головой*). Кажется, я догадываюсь, кто именно. (*Присвистнув.*) Вон оно что. Семен Семёныч, вы давеча рассказывали, что повстречали Нину Михайловну Заречную неподалеку отсюда и что она обещалась навестить в гости.

Медведенко. Точно так. Только мне показалось, что она не придет, а про гости сказала из одной вежливости.

Дорн. Да нет, судя по всему, не из вежливости.

Полина Андреевна. О Господи! Да неужто! (*Крестится.*) Страх какой...

Маша (*обернувшись, звенящим голосом*). Так она была здесь, с ним? Она приходила? Я знаю, он всё это время любил её. Но зачем она пришла? Она хотела забрать его с собой? У них было объяснение?

Полина Андреевна. Машенька, милая, успокойся. Теперь это неважно, ведь Кости больше нет.

Маша. В последнюю минуту жизни он думал о ней! Он порвал рукопись, потому что решил бросить писательство и уехать с Заречной!

Полина Андреевна. Нет-нет, уверяю тебя, ничего подобного не было! Не терзай себя!

Дорн (*нахмурившись*). Минутку! А откуда, любезная Полина Андреевна, вам, собственно, известно, что здесь было и чего не было? Вы что, были свидетельницей их разговора? Кстати, уж заодно — куда вы-то отлучались из столовой?

Пауза. Полина Андреевна в замешательстве смотрит на Дорна, потом на мужа. Молчит.

Шамраев (*тряхнув головой*). Оставьте Полину. Она виновата только в том, что слишком любит и жалеет дочь. А Треплева застрелил я, вот этой рукой. (*Высоко поднимает руку. От него шарахаются. Полина Андреевна смотрит на мужа с испугом.*) И нисколько о том не жалею. О, я долго был слеп. Подозревал, мучился, но терпел. А всё из подлости. Куда, спрашивается, мне деваться, если лишусь этого проклятого места? Где преклонить голову на старости лет? И оттого был глух, слеп и нем. Делал вид, что не замечаю постыдной Машинной страсти, поощряемой собственной матерью! (*В волнении закашливается.*)

Тригорин (*Аркадиной вполголоса*). Здесь что-то с грамматикой не то.

Шамраев. Сегодня вечером я вышел из столовой на террасу подышать воздухом... Часу не прошло, а кажется, что это было тысячу лет назад... Заглядываю в окно (*показывает на окно*) и вижу: Константин Гаврилович с госпожой Заречной. Разговаривают. Я был удивлен, но подслушивать, конечно, не стал бы — не в моих правилах. Только Заречная вдруг спрашивает: «А как та девушка в черном, кажется, Марья Ильинична?» (*Маша оборачивается.*) Он презрительно так засмеялся и говорит: «Пошлая девчонка до смерти надоела мне своей постылой любовью». Да-да, Машенька, именно так он сказал! Представьте себе, господа, муку отца, услышавшего такое! Все во мне заклокотало. Решил: уничтожу оскорбителя собственной рукой, а после хоть на каторгу. Пусть только Заречная уйдет — она не при чем. Так и сделал, рука старого солдата не дрогнула. А когда дым от выстрела рассеялся, вдруг затрепетал. И не стыжусь того. Боже, думаю, ведь я погубил всех! Жена, дочь, внук — что они без меня? Кто их защитит, прокормит? Не этот же червь? (*Кивает на Медведенку.*) За что им-то страдать? Нет-с, думаю, Константин Гаврилыч над нами и при жизни покуражился предостаточно. Хва-

тит-с. Вот и придумал интригу с этим вашим эфиром. Да, видно, не судьба — плохой из меня хитрец. (*Протягивает вперед обе руки.*) Что ж, вяжите Илью Шамраева — он готов держать ответ перед людьми. А перед Богом моя душа ответит.

Дорн. Хм, что-то здесь не так...

Полина Андреевна (*перебивает*) Илюша, прости меня, прости! Я тебя не ценила, не любила, а ты благородный человек. Виновата я перед тобой. Его, его (*показывает на Дорна*) любила много лет, а тебя теперь словно впервые увидела! Но есть и во мне душа. Это я застрелила Константина Гавриловича! Илья на себя наговаривает, чтобы от меня подозрение отвести! Илюшенька, ты и в самом деле был глух и слеп, ты ничего не знаешь! Ведь было у Машеньки с Костей, было! И ребеночек от него! (*Медведевко вжимает голову в плечи.*) Ладно бы от любви или хоть бы от сладострастия, а то обидным образом, спьяну. И ведь после сам еще нос воротил! Уж как я ее жалела, как умоляла его быть с Машенькой поласковой! Мне ли не знать, как нужна нелюбимой хоть малая ласка... (*Мельком оглядывается на Дорна.*) Я все думала, голову ломала, как бы сделать так, чтобы Константин Гаврилович навсегда исчез из нашей жизни. Мечтала: уехал бы он в Америку или пошел на озеро

купаться и утонул. А давеча вышла из столовой на террасу — посмотреть, убрали ли перед грозой белье с веревки. Вдруг вижу — здесь, в кабинете, Заречная, и Константин Гаврилович с ней! Встала у окна, смотрела, слушала... Костя всё револьвером размахивал, а я думала: «Застрелился бы ты, что ли». Перед тем как Заречная ушла, у нее с шеи шарфик соскользнул. В эту самую секунду мне будто голос некий шепнул: «Вот он, выход. Убить его, а подумают на нее».

Шамраев. Что ты несешь! Господа, не слушайте, это она меня выгораживает! Она и стрелять-то не умеет! Не знает, куда нажимать! А я в полку призы брал! Честное благородное слово!

Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

Дубль 5

Часы бьют девять раз.

Дорн (*сверкает по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться. Для начала предлагаю установить, где каждый из нас находился в это время.

Тригорин (*нервно*). Какое «это»? Разве вы точно знаете время, когда произошло убийство?

Дорн. Резонный вопрос. Когда я вошел в комнату, после хлопка, тело было теплым, из раны, пузырясь, стекала кровь, а по стенке еще сползали вышибленные мозги...

Маша вскрикивает и зажимает руками уши. Аркадина, покачнувшись, прикрывает кистью глаза, Шамраев подхватывает ее под локоть.

Шамраев. Доктор, говорить при матери такое!

Дорн. Ах, бросьте, сейчас не до мелодрамы. Между моментом, когда я обнаружил труп, и самим убийством миновало не более четверти часа. Ну хорошо, возьмем для верности полчаса. Таким образом (*смотрит на настенные часы, потом, сердито тряхнув головой, достает свои*), Константина Гавриловича застрелили между восемью и половиной девятого. За этот промежуток — поправьте меня, если я что-то путаю, — (*поочередно обращается к каждому*) Полина Андреевна минут на десять отлучалась по каким-то хозяйственным делам. Мария Ильинична выходила в сад. Илья Афанасьевич по всегдашней своей привычке на месте почти не сидел — то выйдет, то войдет. Господина Медведенки

в столовой не было вовсе. Я отсутствовал в течение семи или восьми минут — пардон, по физиологической надобности. Борису Алексеевичу нужно было удалиться, чтобы записать какую-то свежую метафору. И даже Ирина Николаевна на некоторое время исчезла, после чего вернулась посвежевшей и благоухающей духами. Надо полагать, обычное дамское прихорашивание?

Аркадина (*резко*). Уж хоть меня-то увольте от ваших изысканий. Я мать! Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Дорн (*терпеливо дослушав до конца, с поклоном*). При всем почтении к материнским чувствам уволить от изысканий вас не могу — иначе нарушится математическая чистота эксперимента. Получается, что все, включая и вашего покорного слугу,

имели физическую — я подчеркиваю, чисто физическую возможность....

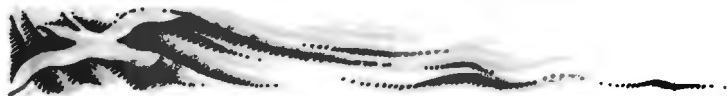
Сорин. Кроме меня. Я-то как раз физической возможности, увы, лишен. Да и из столовой никуда не отлучался по причине (*обезоруживающе разводит руками*) затруднительности перемещения.

Полина Андреевна. Да вы без посторонней помощи и не дошли бы, бедняжка.

Дорн (*внимательно смотрит на Сорина*). Вы, ваше превосходительство, действительно всё время находились в столовой. Причем, если я не ошибаюсь, сразу после окончания чаепития, когда все разбрелись, вы остались там совершенно один. Что же до вашей неспособности к самостоятельному перемещению, то это не совсем верно. И даже вовсе неверно. Уж я-то, как лечащий врач, отлично знаю, что ваша болезнь — в значительной степени плод вашего воображения. Оттого и настоящих лекарств вам не выписываю, одну валерианку. Захотели бы — бегали бы, как молодой.

Сорин (*дрожащим голосом*). Евгений Сергеевич, это низко! Вы, кажется, намекаете... Я Костю любил, как родного сына!

Аркадина. Скажите, какие нежности! Значит, меня, мать, подозревать можно, а тебя нельзя? Нет

уж, пусть будет математическая чистота. (Дорну.)
Продолжайте, мосье Дюпен, это даже интересно.

Дорн (по-прежнему глядит на Сорина). Ведь ваше кресло стояло у окна, не так ли? Перед грозой было душно, вы попросили распахнуть створки и, перегнувшись через подоконник, всё смотрели в сад. Что такого интересного вы там увидели?

Сорин. Просто смотрел в сад. Сполохи зарниц так причудливо выхватывали из темноты силуэты деревьев.

Дорн. Понятно. Скажите, а зачем вы вызвали телеграммой сестру? Никакого удара у вас не было — это мы с вами установили сразу.

Сорин. Это не я, это они вызвали...

Шамраев. А как было не вызвать, когда вы стояли и повторяли: «Умираю! Ирочку, Ирочку...»?

Дорн. И еще мне рассказали, что вы в последние дни от Константина Гавриловича не отходили ни на шаг. Куда он, туда и вы. Даже стелить вам велели в его комнате. Это, собственно, зачем?

Сорин (лепечет). Я... я боялся, что ночью мне станет плохо. Стану умирать, и никого рядом... Глупо, конечно.

Дорн. Не с чего вам умирать. Вы еще всех нас переживете. Здоровый желудок, крепкое сердце. Все нервы одни, мнительность. Я видел у вас в кресле

книжку Файнхоффера «Маниакальные психозы в свете новейших достижений психиатрической науки». Вы что же, ко всему прочему еще и вообразили себя душевнобольным?

Сорин (*быстро*). Не себя... (*Испуганно подносит руку к губам.*)

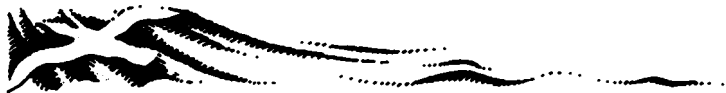
Дорн (*так же быстро*). А кого? Константина Гавриловича? Мне, признаться, тоже показалось, что он нехорош. Вы наблюдали у него симптомы маниакального психоза? Какие?

Сорин (*какое-то время сидит, опустив голову, и говорит после паузы*). Костя в последнее время сделался просто невменяем — он помешался на убийстве. Всё время ходил или с ружьем, или с револьвером. Стрелял всё, что попадется — птиц, зверьков, недавно в деревне застрелил свинью.

Шамраев. Да что свинью! Он третьего дня в курятнике петуха застрелил. Видите ли, кукарекает по ночам, мешает писать. Как теперь куры будут нестись?

Сорин. Да, и петуха тоже. Прислуга его стала бояться. В понедельник Яков уронил тарелку, когда Костя сидел здесь в кабинете. Выбежал, схватил Якова за плечи и давай бить головой об стенку. Еле оттащили. Вот я и старался не отходить от Кости ни на шаг, даже спал с ним в той же комнате. Ведь неизвест-

но, что ему взбредет в голову. А в четверг Костя застрелил Догоняя — просто так, ни за что. Добрый старый пес, полуоглохший, доживал на покое. Тогда я и изобразил припадок. Думал, Ирочкин приезд на Костю подействует. Не помогло, только хуже стало.

Дорн. Надо было мне рассказать. Я бы его в лечебницу отвез.

Сорин. Я хотел было. Но нельзя: свяжут руки, будут лить на тебя холодную воду, как Поприщину. А Костя не вынесет, он гордый и независимый.

Дорн (*тихо*). И поэтому вы решили, что так будет для него лучше?

Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

Дубль 6

Часы бьют девять раз.

Дорн (*сверяет по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться.

Тригорин вытирает слезы рукавом. Аркадина стоит рядом, гладит его по плечу.

Аркадина. Не нужно так. У тебя слишком нежная душа. Видишь, я мать, и я не плачу. Сердце окаменело. Прошу тебя, не плачь.

Дорн. Главный вопрос: зачем? Кому мешал Константин Гаврилович? Кто ненавидел или боялся его до такой степени, чтобы раздробить голову пулей сорок пятого калибра?

Аркадина (*горько качая головой*). Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Дорн (*удивленно поднимает брови*). Ирина Николаевна, погодите-ка... Вы сказали: «Ничком, раскинув руки»? Но ведь вы не входили в комнату. Откуда же вы знаете, что Константин Гаврилович лежит именно в этой позе? Я ведь ее не описывал.

Аркадина (*судорожно схватившись рукой за горло*). Я... я вижу его именно таким. Это вообра-

жение актрисы. Сердце матери, в конце концов. Да-да, сердце матери, оно ведь вечное... *(Пауза. Все на нее смотрят.)* Что? Что вы все так на меня смотрите? Уж не думаете ли вы... что я убила собственного сына? Чего ради? Зачем?

Тригорин *(отшатывается от нее, истерически кричит)*. Зачем? Зачем?! Я знаю, зачем! Самка! Мессалина! О, мне следовало сразу догадаться! Ну конечно! Ты всегда, всегда мешала мне жить, всегда стояла на пути моего счастья! Ты погубила меня, высосала по капле всю кровь! Паучиха!

Аркадина *(визгливо, с некрасивой жестикующей)*. Борис! Опомнись! Я люблю тебя больше жизни!

Тригорин. Вот именно — больше жизни! Больше *моей* жизни! И *его* *(показывает на дверь)* жизни! Сколько раз я умолял тебя: выпусти, дай дышать, дай любить, дай жить! Но нет, ты из своих паучьих лап добычи не выпустишь! Я — добыча. Добыча паучихи! *(Истерически смеется.)*

Шамраев. Ничего не понимаю. Какой-то бред. Евгений Сергеевич, надо дать ему валериановых капель.

Дорн. Пойдите, Илья Афанасьевич, это не бред.

Аркадина. Нет, он устал, он измучен, он не понимает, что говорит.

Тригорин (*смотрит на чучело чайки*). Как метко, как грациозно подстрелил он эту глупую птицу... Он был похож на афинского эфеба, пронзающего стрелой орла. Зачем, зачем ты увезла меня два года назад? Ты разбила мне сердце! Ты подсунула мне ту глупую, восторженную дурочку. Вместо алмаза подсунула стекляшку! Ревнивая, алчная, безжалостная! Ты знала, что ради него я пойду на всё! Я даже смогу бросить тебя!

Аркадина. Нет! Это неправда! Я всегда оберегала тебя, я желала тебе только добра! Я хотела, чтобы ты был счастлив, мой бог, мой счастливый принц! Разве я мешала твоим забавам с мальчишками и девочками? Нет, я отлично понимаю потребности артистической натуры.

Тригорин. Конечно, ты мне не мешала. Потому что знала — то были мимолетные прихоти. Но здесь, на берегу этого колдовского озера, осталось мое сердце! Твой сын подстрелил его, как белую птицу. Я — чайка! Эти два года я не жил, а прозябал. О, как я умолял тебя привезти меня сюда...

Аркадина. Я увезла тебя отсюда два года назад, потому что иначе он и в самом деле подстрелил

бы тебя. Разве ты забыл, как он вызвал тебя на поединок, когда ты признался ему в своем чувстве? Зачем только я уступила твоим мольбам, зачем взяла тебя с собой! Ты клялся, что всё в прошлом, забыто и присыпано пеплом. Ты обманул меня! О, как ты посмотрел на него при встрече!

Тригорин. Да. Я посмотрел на него и ощутил сладостный трепет, ощутил всю полноту жизни и возможность истинного, неописуемого счастья. Я будто спал — и вдруг проснулся. Был приговорен к пожизненному заточению — и вдруг передо мной распахнулись двери темницы. Ты снова захлопнула их, и уже навсегда. *(Плачет навзрыд.)*

Раскат грома, вспышка, свет гаснет

Дубль 7

Часы бьют девять раз.

Дорн *(сверяет по своим)*. Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться.

Тригорин (с натушной веселостью). Любопытно. Это может мне пригодиться. Я как раз пишу криминальную повесть в духе Шарля Барбара — а впрочем, таких произведений в литературе, пожалуй, еще не бывало. Столько мучился, и всё никак не выходило: психология преступника неубедительна, энергия расследования вялая.

Аркадина. Криминальная повесть? В самом деле? Ты не говорил мне. Это оригинально и ново для русской литературы. Я уверена, у тебя получится гениально. (*Спохватившись, оглядывается на запертую дверь и меняет тон.*) Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты — единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Дорн (*задумчиво*). М-да, зов утих. Как же приступить-то? Это вам, Борис Алексеевич, не Шарль Барбара. Кстати говоря, Константин Гаври-

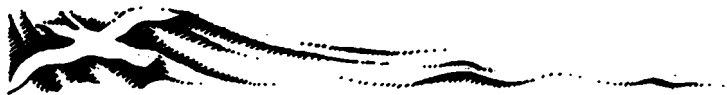

лович жаловался, что вы привезли ему журнальную книжку с его вещью, а сами даже страницы не разрезали. Всё остальное в журнале прочли, а его рассказ — нет. ~~Это~~ вы что же, нарочно хотели его задеть? Или считали его до такой уж степени бездарным?

Тригорин (явно думая о чем-то другом). Бездарным? Совсем напротив. Он был бесконечно талантлив. Теперь могу признаться, что я очень завидовал его дару. Как красиво, мощно звучала его фраза. Там было и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе. Так и видишь летнюю ночь, вдыхаешь ее аромат, ощущаешь прохладу. А я напишу про какое-нибудь пошлое бутылочное горлышко, блестящее под луной — и всё, воображение иссякает. Что до неразрезанного рассказа — маленькая гнусность, обычный буднично-укол. У нас, писателей, это в порядке вещей. А рассказ был чудесный, я прочел его еще в Петербурге.

Аркадина. Ты и в самом деле считаешь, что Костя был талантлив? Но почему ты не говорил мне этого раньше? Я бы непременно прочла что-нибудь из его вещей. Или ты сейчас говоришь это из жалости?

Тригорин (*все так же рассеянно*). Не из жалости, а от равнодушия. Он умер. Я ему больше не завидую. (*Как бы про себя.*) И мысль о нереальности происходящего. Это непременно.

Дорн. А верно про вас пишут критики, что вы всё, описываемое в ваших книгах, непременно должны испытать на себе?

Тригорин. Да, нужно всё попробовать. Чтобы не было фальши.

Дорн. Вы давеча сказали, что у вас с криминальной повестью «никак не выходило». (*Делает ударение на последнем слове.*) Так? Я не ослышался?

Тригорин (*быстро поворачивается к Дорну и смотрит на него с чрезвычайным вниманием — впервые за всё время*). Не припомню. Я так сказал?

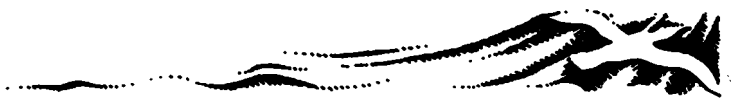
Шамраев. Да, сказали.

Аркадина (*недовольно*). И что с того?

Дорн (*тихо, Тригорину*). Не выходило? А теперь что же, выходит?

Тригорин вздрагивает, ничего не говорит.

Дорн. Скажите, Ирина Николаевна, а зачем вы, собственно, привезли с собой Бориса Алексеевича? Человек он занятой, вон ему и повесть нужно дописывать. Насколько мне известно, никаких особенно

дорогих воспоминаний с этой усадьбой у Бориса Алексеевича не связано. В прошлый раз чуть до скандала не дошло. Опять же, прошу прощения, лишнее напоминание об истории с Заречной вам обоим вряд ли приятно.

Аркадина (*обожающе глядя на Тригорина*). Борис сам упросил меня. Я думала ехать одна, но он сказал, что хочет посмотреть на Костю. (*Тригорин делает движение рукой, как бы желая ее остановить, но Аркадина не замечает, потому что уже повернулась к Дорну.*) Сказал: «Твой брат пишет, что Константин Гаврилович помешался на убийстве — стреляет всякую живность, того и гляди человека убьет. Нужно его поизучать — это поможет мне для психологического портрета убийцы».

Дорн (*Тригорину*). Ну и как, помогло? (*Тригорин делает неопределенный жест.*) Стало быть, не помогло... Но повесть тем не менее сдвинулась с мертвой точки. С мертвой точки — каламбур. Стало быть, психология убийцы для вас теперь загадкой не является? Что вы давеча такое пробормотали? Непременно описать ощущение нереальности происходящего?

Делает шаг к Тригорину. Тот отступает. Раскат грома, вспышка, свет гаснет.

контой,
Ната, од

Дубль 8

Часы бьют девять раз.

Дорн (*свергает по своим*). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться. *КНЭМ КХЮФЛУ*

Тригорин (*с натужной веселостью*). Любопытно. Это может мне пригодиться. Я как раз пишу криминальную повесть в духе Шарля Барбара — а впрочем, таких произведений в литературе, пожалуй, еще не бывало. Столько мучился, и всё никак не выходило: психология преступника неубедительна, энергия расследования вялая.

Аркадина. Криминальная повесть? В самом деле? Ты не говорил мне. Это оригинально и ново для русской литературы. Я уверена, у тебя получится гениально. (*Спыхватившись, оглядывается на закрытую дверь и меняет тон.*) Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой — да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы — жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты —

единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я всё не шла, и вот твой зов утих...

Шамраев (*вполголоса Тригорину*). Знакомый текст, где-то я его уже слышал. Это из какой-то пьесы?

Тригорин (*кивнув*). Евгений Сергеевич, а знаете что, давайте-ка лучше я. У меня там в повести описан проницательный сыщик. Попробую представить себя на его месте.

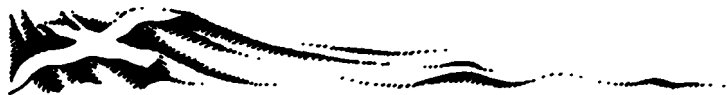
Дорн (*умоляюще*). Сделайте милость, а то я не знаю, как и подступиться.

Тригорин. Подступимся по всей дедуктивной науке.

Медведенко (*заинтересованно*). Какой науке? Дедуктивной? Я про такую не слыхал. Верно, какая-нибудь из новых.

Тригорин. На самом деле это только так говорится, что наука. Обычная наблюдательность и умение делать логические выводы.

Дорн. Наблюдательность — это превосходно. Вот объясните-ка мне одну штуковину. Вы давеча сказали, что у вас с криминальной повестью «никак не выходило». Так? Я не слышался?

Тригорин (*нетерпеливо*). Про литературу поговорим после. Сначала, если не возражаете, давайте выясним, кто убил Константина Гавриловича. И тут бросается в глаза одно любопытное обстоятельство...

Шамраев. Какое?

Тригорин. Самое примечательное в этой истории — фокус с взорвавшимся эфиром... Скажите, доктор, а почему ваш саквояж оказался в той комнате?

Дорн. Когда я приехал, Петр Николаевич лежал там, в креслах. Я осмотрел его, а саквояж остался.

Тригорин. Получается, что убийца об этом знал. Мы же — Ирина Николаевна и я — приехали совсем недавно, в спальню не заходили, и о существовании вашего саквояжа, тем более о склянке с эфиром знать не могли. Логично?

Дорн. Не вполне. Вы могли увидеть саквояж в момент убийства или сразу после него и действовать по наитию.

Тригорин. Увидеть небольшую черную сумку в темной комнате? Что-то я такое читал из китайской философии, сейчас не вспомню. Там ведь только лампа горела в углу. К тому же мало было увидеть сумку, нужно было еще сообразить, что это аптечка и что в ней может быть эфир. А пороховой дым еще

не рассеялся, булькает горячая кровь, и в любую минуту могут войти. И потом, кто из присутствующих имеет достаточно химических знаний, чтобы устроить этаким трюк? Я, например, только от вас узнал, что нагретый эфир, смешиваясь с кислородом, образует какую-то там смесь. У меня в гимназии по естественным наукам была вечная единица. Что до Ирины Николавны, то она вряд ли способна припомнить даже формулу воды. А вы, Петр Николаевич?

Сорин. Отчего же, помню: аш два о. Впрочем, этим мои воспоминания о химии, пожалуй, исчерпываются.

Тригорин. Так я и думал. Марья Ильинична, насколько я слышал, получила только домашнее воспитание...

Шамраев. Но очень приличное, уверяю вас! Я сам учил Машу всем предметам.

Полина Андреевна. Илья, зачем ты это говоришь? Чтобы на твою дочь пало подозрение?

Тригорин. А как с химией у вас самого, Илья Афанасьевич?

Шамраев (с достоинством). Я по образованию классик. В мои времена дворяне ремесленных дисциплин не изучали.

лось ни львов, ни орлов, ни куропаток, ни рогатых оленей, ни пауков, ни молчаливых рыб — одна только «общая мировая душа». Чтобы природа сделалась похожа на его безжизненную, удушающую прозу! Я должен был положить конец этой кровавой вакханалии. Невинные жертвы требовали возмездия. (*Показывает на чучела.*) А начиналось всё вот с этой птицы — она пала первой. (*Простирает руку к чайке.*) Я отомстил за тебя, бедная чайка!

Все застывают в неподвижности, свет меркнет, одна чайка освещена неярким лучом. Ее стеклянные глаза загораются огоньками. Раздается крик чайки, постепенно нарастающий и под конец почти оглушительный. Под эти звуки занавес закрывается.

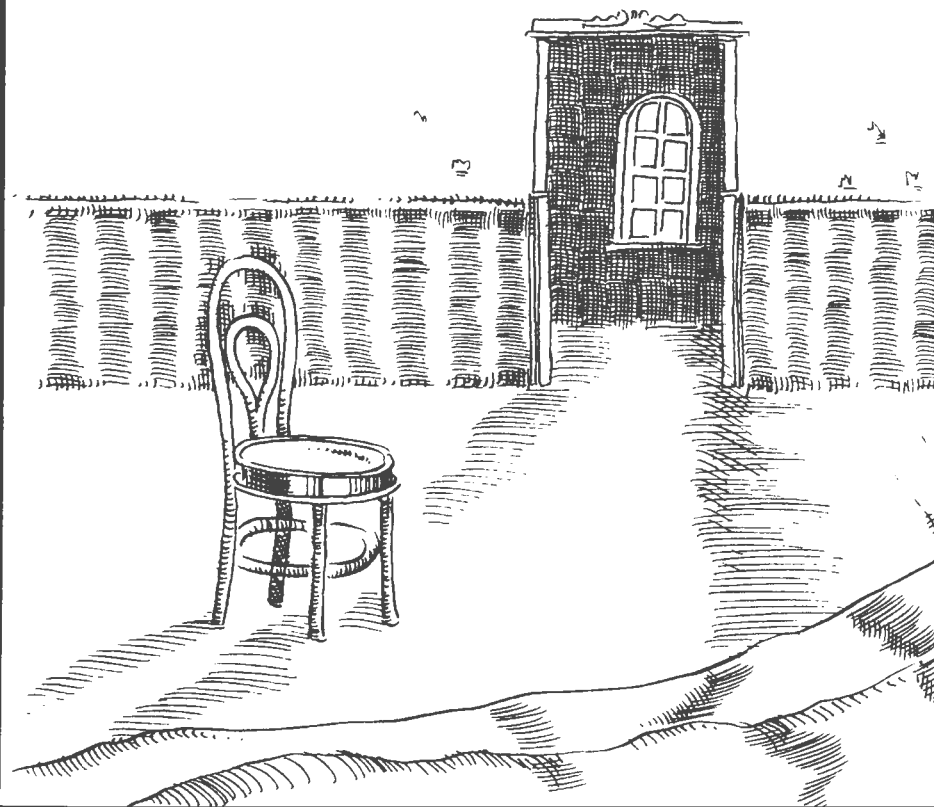
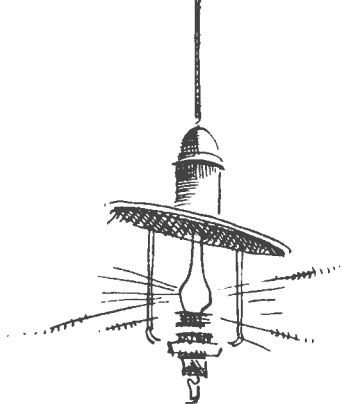
Занавес

Занавес

Занавес

Занавес

ISBN 5-7654-1266-1

9 785765 412664 >

Борис АКУНИН

ЧАЙКА

«Константин Гаврилович мертв.
Только он не застрелился. Его убили...»